

Ирина Наумова

Ирина Наумова

ИЗМЕНА

ИЗМЕНА

Мой загадочный бомж

Ирина Наумова

Измена. Мой загадочный бомж.

«Литнет»

2026

Наумова И.

Измена. Мой загадочный бомж. / И. Наумова — «Литнет», 2026

Он был моим секретом. Нищий сторож с глазами падшего ангела, которому я носила домашние котлеты в подсобку. Я была его секретом. Единственной женщиной в огромном холдинге, которая не знала, как выглядит его президент. Днем я дрожала перед «грозным Валенским», а вечером изливала душу Русе на лавочке в парке. Я не знала, что это один и тот же человек. А когда узнала — мой мир рухнул второй раз. Потому что измена жениха — это больно, но ложь любимого — это смертельно. Сможет ли он доказать, что его чувства были настоящими, если вся его жизнь — маскарад? В книге вас ждут: ✓ Предательство, которое сделало героиню сильнее ✓ Герой-загадка: от бродяги до властного босса один шаг (и душ!) ✓ Перевоспитание миллионера: кто кого на самом деле исправит? ✓ Сладкая месть бывшему (он очень об этом пожалеет) ✓ Юмор, быт и много-много чувств

© Наумова И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5(Руслан)	19
Глава 6	22
Глава 7(Руслан)	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава10	34
Глава11(Руслан)	37
Глава12	40
Глава13(Сергей)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

Тесто под моими руками дышало. Оно было живым, податливым и теплым, как сонная кошка. Я осторожно обминала пышный бок будущего пирога, чувствуя, как мелкие крупинки муки прилипают к коже, а по кухне плывет густой, тягучий аромат ванили и запеченной корицы. В Березовке так пахло только в тех домах, где ждали праздника.

А я ждала. Сегодня — ровно пять лет.

Пять лет с того самого дня, когда Сергей, тогда еще смешливый парень с вечно сбитыми костяшками пальцев, остановил меня у старой ивы за околицей и протянул букет полевых ромашек, в которых запутался сонный шмель. Тогда мне было восемнадцать, и мир казался бесконечной дорогой, вымощенной только добрыми намерениями.

Я бросила взгляд на часы. Четверть седьмого. Сергей обещал быть к шести, но задержки в гаражах для него были делом привычным. «Ласточка» очередного соседа требовала внимания, а мой Сережа никогда не умел отказывать. Он был мастером на все руки — единственный механик на три деревни, к которому очередь выстраивалась на месяц вперед.

— Ну же, поднимайся, — прошептала я тесту, накрывая противень расшитым полотенцем.

Это полотенце я вышивала сама, долгими зимними вечерами. Каждому крестик у меня веряла свою мечту. О тихом доме, о детском смехе, о том, как мы будем сидеть на веранде, когда волосы припорошит серебром. В нашей деревне про меня говорили: «Люська-то старомодная. Ни дискотек ей не надо, ни парней городских. Всё Сережку своего ждет, как верная Пенелопа».

Я не обижалась. Я знала, за чем стою. Мама всегда говорила: «Чистоту свою, Люда, береги для того единственного, кто жизнь за тебя положит. Мужчины — они как огонь: на искру летят, а согреться хотят у ровного пламени». И я берегла. Сергей злился иногда, конечно. В последние полгода — всё чаще. Уходил, хлопал дверью, курил на крыльце до глубокой ночи. Но я верила: вот поженимся, и всё встанет на свои места. Сегодня, в нашу годовщину, я ждала от него главного вопроса.

В спальне на дверце шкафа висело голубое платье. Я купила его втайне, откладывая с зарплаты бухгалтера в нашем селу по крохам. Ткань — нежный штапель, летящий, почти невесомый. Под цвет моих глаз, как говорил когда-то Сережа.

Я подошла к окну. За стеклом Березовка куталась в сизый ноябрьский туман. Огоньки в соседних домах горели уютно, а в нашем дворе было темно. Тишина за окном казалась тяжелой, ватной. Телефон Сергея по-прежнему молчал. «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

— Наверное, в яме под машиной, там связь плохо ловит, — успокоила я сама себя, но в груди уже поселился холодный, склизкий комок тревоги.

Стол был накрыт идеально. Накрахмаленная белая скатерть — моя гордость, фарфоровый сервис, доставшийся от бабушки, свечи в старых подсвечниках. Я даже раздобыла бутылку хорошего вина, хотя мы оба почти не пили. Всё должно было быть как в кино. Как в тех романах, что я читала в библиотеке, пока за окном выла метель.

Семь часов. Пироги уже остывали, теряя свой божественный аромат. Свечи оплыли, превращаясь в бесформенные восковые кляксы. Я сидела на краю стула, не смея пошевелиться, чтобы не помять платье. Мои пальцы, до боли сжатые на коленях, побелели.

— Что-то случилось, — сорвалось с губ.

Сергей мог опоздать, мог забыть про дату (хотя я напоминала ему трижды за неделю), но он никогда не отключал телефон надолго. Мысли поползли в сторону аварии, поломки на темной трассе, несчастного случая в гараже.

Я сорвалась с места. Сбросила платье, торопливо втиснулась в старые джинсы и свитер. Сверху — пальто, наспех повязанный платок.

— Нельзя просто так сидеть.

Я собрала корзинку. Тщательно завернула еще теплые пироги в плотное полотенце, налила в термос чай с чабрецом — Сережа его обожал, говорил, что этот запах напоминает ему лето. Если он застрял в гараже, голодный и уставший, мой приход будет самым лучшим подарком. Я представляла, как он поднимет на меня глаза, полные благодарности, как мы будем сидеть на старом диване в его каморке и смеяться над моими страхами.

Путь до гаражного кооператива «Автомобилист» лежал через окраину деревни. Ноги привычно находили дорогу в темноте. Березовка засыпала. Лаяли собаки за заборами, пахло печным дымом и прелой листвой. Воздух обжигал легкие, под ногами хрустела первая наледь.

Я почти бежала. Корзинка оттягивала руку, но я не замечала тяжести. В голове пульсировало: «Лишь бы живой. Лишь бы просто работа».

Кооператив встретил меня редкими фонарями и глухими стенами бетонных коробок. Гараж Сергея был в самом конце, у леса. Издалека я увидела тусклый свет, пробивающийся сквозь щели ворот. Его старая «Нива» стояла на улице, припорошенная инеем.

Сердце ухнуло куда-то в желудок. Он здесь. Но почему машина не в боксе?

Я подошла ближе, стараясь не шуметь. Не знаю зачем. Наверное, не хотела спугнуть ту картинку идеального примирения, которую нарисовала в голове. И тут я увидела её.

На капоте машины лежала куртка. Яркая, кричаще-красная, с меховой опушкой на капюшоне. В Березовке такая была только у одной девушки.

Лариса.

Моя подруга. Та самая, что неделю назад плакала у меня на кухне, жалуясь, что «нормальных мужиков не осталось, все козлы и изменники». Та самая, что советовала мне «не ломаться» и наконец-то «дать Сереге то, что ему положено, а то уведут».

Мир вокруг меня начал медленно вращаться. Звуки стали резкими, неприятными. Из гаража доносилась музыка — старый хит из магнитолы, который Сережа всегда включал для фона. Но за музыкой слышалось кое-что другое.

Смех. Вульгарный, громкий, заходящийся в экстазе хохот Ларисы. И глухой, довольный голос мужчины. Моего мужчины.

Я не помню, как подошла к воротам. Моя рука, словно чужая, толкнула незапертую створку. Она поддалась со скрипом, который показался мне громом среди ясного неба.

Внутри пахло отработкой, бензином и дешевыми духами Ларисы — смесью, от которой меня мгновенно замутило. На старом диване, застеленном засаленным пледом, в окружении пустых пивных банок и объедков, происходило то, что я отказывалась понимать.

Они даже не сразу заметили меня. Лариса, вскинув голову, торжествующе смотрела на Сергея. Она не пыталась прикрыться. Напротив, в её взгляде, когда она наконец увидела меня в дверях, не было ни капли стыда. Только победа. Злая, выстраданная победа.

Сергей вскочил, путаясь в штанах. Его лицо, обычно загорелое и открытое, сейчас казалось серым, помятым. Глаза бегали по помещению, не решаясь остановиться на мне.

— Люда? Ты чего здесь... в такое время? — его голос сорвался на сиплый фальцет.

Я молчала. Воздух застрял в горле колючим комом. Я смотрела на них и видела не людей, а каких-то карикатурных чудовищ. Пять лет. Тысяча восемьсот двадцать пять дней ожидания, верности, планов. Всё это сейчас валялось здесь, на этом грязном полу, залитом маслом.

— Людок, ну ты чего застыла, как памятник? — Лариса небрежно накинула на плечи куртку, ту самую, красную. — Сама же виновата. Сколько можно парня на сухом пайке держать? Ты думала, он из воска вылеплен?

— Замолчи, Лариса, — выдавил Сергей, наконец-то справившись с ремнем. Он сделал шаг ко мне, пытаюсь изобразить на лице подобие раскаяния, но вышло плохо. — Люда, пойми... Это просто так вышло. Случайно. Мы выпили немного, она зашла...

— Случайно? — мой голос прозвучал так тихо, что я сама его едва услышала. — У нас сегодня годовщина, Сережа. Пять лет.

— Да сдались мне твои даты! — вдруг взорвался он, переходя от защиты к нападению. — Ты посмотри на себя! Вечно в муке, вечно с этими пирогами, со своими нравоучениями. «После свадьбы», «надо подождать», «я честная девушка». Тьфу! Мне женщина нужна, понимаешь? Живая, теплая! А ты... ты как моль. Правильная, скучная моль!

Слова били под дых. Каждое из них вырывало кусок мяса из моей души. Я смотрела на него и не узнавала. Где тот парень, который катал меня на лодке? Где тот человек, который обещал построить для нас самый большой дом в районе? Его не было. Передо мной стоял чужой, злой и мелкий мужчина.

— Значит, моль? — я посмотрела вниз, на корзинку в своих руках. — А я тебе пирогов принесла. С чабрецом. Чтобы ты не проголодался, пока работаешь.

Лариса снова прыснула за спиной Сергея.

— Пирожки! Господи, Новикова, ты неизлечима. Сложи в них свои принципы и съешь сама.

Я медленно, очень медленно разжала пальцы.

Корзинка не упала — я её просто отпустила. Она перевернулась в воздухе. Полотенце, которое я вышивала с такой любовью, развернулось. Пирог посыпался на замасленный бетон. Пышные, румяные, они катились по грязи, собирая на себя пыль и стружку. Один из них замер у самого сапога Сергея.

— Кушай, Сережа, — сказала я, чувствуя, как в груди что-то с треском ломается. Словно перетянули тугую струну, и она, лопнув, хлестнула по сердцу. — Тебе силы понадобятся. Говорят, изменникам в аду отдельный котел полагается, но тебе, я думаю, и Березовки хватит.

Я развернулась.

— Люда! — крикнул он мне в спину. — Стой! Да куда ты пойдешь ночью? Кому ты нужна, кроме меня, с твоими-то закидонами? Вернись, дура!

Я не обернулась. Я шла по темноте гаражного кооператива, и каждый шаг давался мне с трудом, словно я пробиралась сквозь густой кисель. В ушах звенело. Холод больше не обжигал кожу — я его не чувствовала. Внутри выжгло всё.

Дома я не зажгла свет. Прошла в спальню, сорвала с дверцы шкафа голубое платье и, не глядя, запихнула его в старую дорожную сумку. Туда же полетели документы, смена белья, пара свитеров. Фотография, где мы с Сергеем стоим на мосту, в рамке из ракушек, хрустнула под моим каблуком. Я даже не вздрогнула.

Березовка была клеткой. Пять лет я сама запирала засовы, думая, что это — крепость.

Я тихонько вышла из дома, так чтобы мама не заметила и не отговорила меня. На крыльце пахло увядающими астрами и бедой. Железнодорожная станция находилась в сорока минутах ходьбы. Последняя электричка в город уходила 23:45.

Я шла по обочине дороги, и свет редких машин выхватывал мою одинокую фигуру из темноты. Мне не было страшно. Страх умер в гараже, рядом с рассыпанными пирогами. Осталась только звенящая, прозрачная пустота и яростное желание оказаться как можно дальше отсюда.

На перроне было безлюдно. Ветер раскачивал одинокую лампочку, и тени на асфальте плясали дикий танец. Когда вдали показались два желтых глаза поезда, я крепче сжала ручку сумки.

— Ты никому не нужна, Люська! — эхом отозвался в голове голос Сергея.

— Посмотрим, Сережа, — прошептала я, делая шаг к краю платформы. — Посмотрим, кто из нас моль, а кто... просто еще не расправил крылья.

Электричка со скрипом остановилась. Двери открылись, обдавая меня запахом разогретого металла и чужой, дальней жизни. Я вошла в вагон, села у окна и прижалась лбом к холодному стеклу. Поезд дернулся и начал набирать ход, унося меня прочь от пяти лет обмана, прочь от Березовки, прочь от человека, которого я когда-то называла «единственным».

За окном проплывали черные силуэты деревьев, и я знала: в эту ночь я не засну. Мне нужно было придумать, как выжить в мире, где пироги с корицей больше не имеют никакой ценности.

Глава 2

Колеса выбивали рваный, злой ритм, который отдавался в затылке тупой болью. Электричка ползла сквозь ноябрьскую темень, как старая, задыхающаяся гусеница. Вагон был почти пуст — пара дремавших работяг в пахнущих мазутом спецовках да я, прижавшаяся лбом к ледяному, вибрирующему стеклу.

На часах было два часа ночи. Позади — шестьдесят минут бега до станции и вечность, оставленная в замасленном гараже.

Я посмотрела на свои руки. Под ногтями всё еще белели следы муки — немой укор моей «правильности». Пять лет я месила это тесто, вкладывая в каждый комочек надежду на долгое и счастливое «завтра», чтобы в итоге всё это превратилось в липкую грязь под сапогами Сергея.

В животе возник комочек тошноты. Вспомнился смех Ларисы — резкий, торжествующий. И лицо Сергея — серое, испуганное, а через секунду — ожесточенное. «Ты как моль, Люда».

Я встала. Ноги были ватными. В узком проходе вагона пахло сыростью и безнадеей. В туалете, где тусклая лампа мигала в такт биению сердца, я открыла кран. Ржавая вода фыркнула и потекла тонкой ледяной нитью. Я схватила кусок дешевого мыла и начала тереть ладони. Яростно, до красноты. Я смывала запах корицы. Смывала Березовку. Смывала его слова, которые, казалось, прилипли к коже невидимой чешуей.

— Не вернусь, — прошептала я своему отражению в засиженном мухами зеркале. Глаза в нем были чужими — огромными, лихорадочными. — Сдохну здесь, на этих рельсах, но не вернусь.

Электричка со скрипом замерла у перрона в 05:50 утра. Мегаполис встретил меня запахом горелого металла и ледяным ветром, который мгновенно прошел мое демисезонное пальто насквозь. Огромный вокзал напоминал чрево монстра, который еще только начинал просыпаться, недовольно ворча гудками маневровых тепловозов.

Метро еще было закрыто, город кутался в сизый туман. Я зашла в круглосуточное вокзальное кафе — стеклянный павильон, где пахло хлоркой и пережаренным кофе.

— Самый дешевый чай, пожалуйста, — выдавила я. Голос после ночи молчания звучал хрипло.

Официантка, женщина с лицом цвета несвежего творога, кивнула, даже не подняв глаз. Цена за бумажный стаканчик заставила меня вздрогнуть. В Березовке на эти деньги можно было купить три буханки хлеба.

Я села за липкий столик в углу. Руки дрожали от усталости и пережитого шока. Достав телефон, я обнаружила, что он разрывается от уведомлений.

Сергей начал атаку еще в час ночи.

«Люда, ты где? Домой иди, дура, замерзнешь!» — 01:15.

«Слышь, Новикова, ты че, реально обиделась? Ну выпили, ну бывает. Че ты из себя целку-то строишь в двадцать три года?» — 01:40.

«Короче, я предкам твоим всё сказал. Что ты давно в город лыжи наострила к какому-то хахалю. Так что не надейся, что тебя там с караваем примут» — 02:15.

Кровь прилила к лицу. Ах ты гадина... Он не просто изменил, он нанес упреждающий удар. В Березовке новости разлетаются быстрее пожара. Если он пришел к моим родителям ночью, значит, к утру я уже была официально признана «гулящей», бросившей «золотого парня» в годовщину.

Следом шло сообщение от мамы. Сердце сжалось в тугой узел.

«Люда, дочка, что ж ты творишь? Сергей прибежал в час ночи, плакал, руки трясутся... Рассказал, что ты в город уехала к другому, а он тебя ждал, дом перекрывать хотел! Лариса пришла, успокаивает его. Весь поселок на ушах! Люда, одумайся, вернись, пока не поздно!»

Я закрыла лицо руками. Лариса «успокаивает». Еще бы. В ту самую постель, где я поправляла покрывало, она уже, верно, залезла с ногами.

Я выключила телефон. Я не буду оправдываться. Не сейчас. Сейчас мне нужно было просто выжить.

В восемь утра город окончательно ожил. Открылись газетные киоски. Я купила «Из рук в руки» — толстую пачку бумаги, пахнущую свежей типографской краской. Это был мой план спасения.

Я обвела карандашом три самых дешевых варианта аренды комнат. Звонить начала ровно в девять — в городе это время считается приличным для начала дел.

Первые два адреса «ушли» прямо во время разговора. В третьем мне ответил хриплый, прокуренный женский голос:

— Сдам. Пятый этаж, лифта нет. Оплата за неделю вперед. Если не алкашка — приезжай.

Район оказался промышленным. Пятиэтажки-хрущевки жались друг к другу, словно пытались согреться среди бетонных заборов и гаражей. У подъезда пахло мокрой кошкой и старой обувью.

Дверь открыла Раиса Ивановна — женщина в заношенном халате с рисунком из гигантских пионов. На её голове красовались бигуди, а из-за спины тянулся шлейф дешевых сигарет.

— Новикова? — она окинула меня придирчивым взглядом. — Чемодан где? С одной сумкой, значит... Сбежала от кого?

— От себя, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Ну-ну. Проходи. Тапок не дам, свои носи.

Квартира была типичной «убитой» коммуналкой. Коридор заставлен банками, какими-то досками и старыми велосипедными рамами.

— Твоя — в конце, — Раиса Ивановна толкнула дверь. — Кровать не скрипит, если не прыгать. Душ утром с семи, вечером с девяти. Мужиков не водить, даже если очень приспичит. Поняла?

Комната была размером с платяной шкаф. Железная кровать с панцирной сеткой, колченогий стол и окно во двор-колодец, где на веревках сиротливо полоскалось чье-то сизое белье.

— Беру, — сказала я, доставая кошелек.

Когда Раиса Ивановна, пересчитав деньги смоченным слюной пальцем, ушла, я просто рухнула на кровать. Панцирная сетка жалобно простонала под моим весом. Сил не было даже на то, чтобы снять пальто.

Я не спала всю ночь. Тело ломило, глаза жгло, словно в них насыпали песка. Я закрыла глаза всего на минуту, но провалилась в тяжелый, липкий сон. Мне снились пироги. Сотни, тысячи пирогов, которые превращались в камни и летели мне в спину, а Сергей и Лариса стояли на мосту и смеялись, бросая в меня обручальные кольца.

Проснулась я от резкого кашля за стеной. В комнате было темно — серые ноябрьские сумерки уже затопили двор. Посмотрела на часы — почти пять вечера. Я проспала четыре часа.

С трудом поднявшись, я открыла сумку. Сверху лежало оно — то самое голубое платье. В этой каморке, пахнущей пылью и чужой старостью, оно выглядело насмешкой. Как осколок разбитого зеркала, который еще пытается отражать солнце.

Я встала, подошла к старому шкафу и открыла дверцу. Внутри пахло нафталином. Я аккуратно повесила платье на единственные плечики и задвинула в самый темный угол, за шторку.

— Всё, — прошептала я, чувствуя, как по лицу ползет холодная слеза. — Праздник кончился, Люда.

Я достала ноутбук. Экран осветил мое бледное лицо холодным, безжизненным светом.

«Работа бухгалтером. Мегаполис».

Я начала листать вакансии, и с каждой новой строчкой сердце опускалось всё ниже.

«Знание 1С 8.3», «Опыт в оптовой торговле», «Знание валютного контроля».

В Березовке я была звездой. Я знала каждую цифру, каждую копейку. Здесь я была никем. Девочкой, которая умеет считать накладные на навоз и запчасти для тракторов.

Но назад дороги не было. Если я вернусь, я признаю, что он был прав. Что я — скучная моль, которая не может прожить без его «милости».

Я сжала кулаки.

— Мы еще посмотрим, кто из нас выживет, Сережа.

В коридоре зашумела вода. Раиса Ивановна вышла на свою вечернюю вахту. Город за окном гудел, равнодушный и огромный. Я была лишь песчинкой в этом хаосе, но эта песчинка собиралась стать камнем, о который все они еще сломают свои гнилые зубы.

Глава 3

Холод в комнате к утру стал почти осязаемым — он пробирался под одеяло тонкими ледяными пальцами, кусал за плечи и заставлял сворачиваться калачиком, до боли прижимая колени к груди. Окно в старой раме свистело на одной высокой ноте, словно внутри него застрял крошечный, злой демон. Я открыла глаза и уставилась в серый потолок, по которому расплзлось пятно сырости, напоминающее карту какого-то неизведанного и очень мрачного материка.

В Березовке в это время я бы уже стояла у плиты. Трещали бы дрова в печи, по дому разливалось бы уютное тепло, а на столе ждала бы остывающая каша. Здесь же моим единственным спутником был гул мегаполиса, который не затихал ни на минуту, превращаясь в ровный, бездушный шум.

Прошло три дня с моего приезда. Три дня, за которые я поняла: город не собирается извиняться за свою грубость.

Я заставила себя встать. Сетка кровати отозвалась протяжным, жалобным стоном. Раиса Ивановна уже гремела кастрюлями на кухне. Это был сигнал: если я хочу успеть умыться ледяной водой до того, как она оккупирует ванную на ближайший час, нужно действовать быстро.

Старый чугунный утюг, который Раиса выделила мне «по доброте душевной», весил как приличная гантеля. Он фыркал паром и оставлял на подошве подозрительные желтоватые следы. Я с замиранием сердца гладила свою единственную приличную блузку — ту самую, винного цвета, купленную еще в прошлой жизни. Она была моим последним знаменем. Моим доказательством того, что я всё еще Людмила Новикова, дипломированный бухгалтер, а не просто испуганная девчонка, сбежавшая из дома.

— Опять шипишь? — Раиса Ивановна возникла в дверях кухни, окутанная облаком пара от кипящих макарон. — Смотри мне, сожжешь хату — пойдешь на вокзал. И воду экономь, я за тебя платить не нанималась.

Я молча кивнула. Оправдываться было бесполезно — Раиса жила в мире, где доброта выдавалась строго по талонам, и я в её список льготников не входила. Я быстро влезла в блузку, юбку и свое серое пальто. В Березовке оно казалось верхом изыска, но здесь, на фоне зеркальных витрин, оно кричало о своей провинциальной безнадежности.

Первое серьезное собеседование было назначено на десять утра в торговом доме «Азимут». Офис располагался в здании, обшитом синим стеклом. Внутри пахло дорогим парфюмом, хорошим кофе и чем-то неуловимым, что пахнет только там, где крутятся большие деньги.

Девушка на ресепшене — блондинка с идеально прямой спиной — жестом велела мне ждать.

— Новикова? Проходите, — наконец бросила она.

Кабинет кадровички встретил меня стерильной чистотой. За столом сидела Снежана — так гласила табличка. Имя ей подходило идеально: холодная, безупречная, с лицом, застывшим в маске вежливого пренебрежения.

— Итак, Людмила, — она просмотрела мою анкету так, словно это был список продуктов в дешевом магазине. — Красный диплом аграрного университета. Опыт работы в сельпо... Очень... мило. Скажите, в какой версии 1С вы работали?

— В седьмой версии, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я вела первичку, отчетность, зарплату...

Снежана приподняла одну бровь, и этот жест был красноречивее любого отказа.

— Седьмая? Людмила, мы работаем в 8.3 ERP, используем облачные сервисы и системы автоматизации. Вы знаете, что такое ВЭД? Работали с валютными счетами?

Я почувствовала, как щеки начинают гореть. В Березовке валютой были рубли и иногда — мешок зерна. О каких валютных счетах могла идти речь в селпо?

— Я быстро учусь, — попыталась я вставить слово. — У меня красный диплом, я теорию знаю на отлично...

— Теория в нашем деле — это как описание вкуса яблока для того, кто его никогда не видел, — отрезала Снежана, закрывая папку. — Нам нужен специалист с опытом в городе, знанием актуальных программ и, честно говоря, с другим... уровнем презентации. Мы перезвоним вам, если вакансия останется открытой.

Я вышла из стеклянного здания с таким чувством, словно меня облили помоями. «Уровень презентации». Она даже не скрывала, что мое пальто и моя прическа — это клеймо.

Следующие два дня превратились в бесконечный марафон. Я выучила схему метро и привыкла к тому, что на меня никто не смотрит. В городе ты — невидимка, пока у тебя нет денег.

К пятнице мои запасы начали таять с пугающей скоростью. Оказалось, что город ест деньги. Проезд, плата за интернет, аренда... Я перешла на режим жесткой экономии. Мой дневной рацион теперь состоял из половины батона и пакета кефира. В Березовке я бы накормила такими продуктами разве что кошку, но здесь это был мой обед и ужин.

Вечером, сидя в своей каморке, я решила на минуту включить телефон. Сразу посыпались уведомления. Среди них — сообщение от матери.

«Люда, ответь! Что ты там творишь? Сергей места себе не находит, похудел весь. Сказал, ты его бросила из-за какого-то богача городского. Лариса говорит, видела, как ты с ним созванивалась! Вернись, дочка, не позорь нас. Сергей обещал простить, если завтра приедешь. Он дом начал перекрывать, помощница ему нужна...»

Я прочитала это, и внутри меня словно провернулся ржавый нож. Сергей играет роль страдальца, Лариса — роль заботливой подруги, которая «чисто по-соседски» уже, наверняка, обосновалась в моей кухне. Они перевернули всё с ног на голову. Я — изменница, он — святой великомученик.

Я сжала телефон так, что побелели костяшки.

— Простить он обещал? — прошептала я в пустоту. — Ну уж нет. Пусть Лариса его прощает, когда он ей следующую бабу в гараж приведет.

Я выключила телефон и спрятала его. Желудок урчал, требуя еды. Я достала кошелек. Внутри было несколько купюр и россыпь мелочи.

Утром нужно было ехать на очередное собеседование — помощником бухгалтера на склад. Это было на другом конце города. Я начала считать. Если я поеду на метро и автобусе туда и обратно, у меня останется ровно на одну пачку лапши. И всё. Послезавтра мне не на что будет купить билет на транспорт.

Я вышла на улицу. Город сиял огнями. Шел мелкий, противный дождь. Я шла мимо ярких витрин, где манекены в модных пальто смотрели на меня с ледяным высокомерием. Мимо проплывали запахи свежего кофе и выпечки. Тот самый запах, который я так любила дома. Здесь он казался ядовитым.

Я остановилась у витрины небольшого кафе. Внутри было тепло, на столах горели лампы. Девушка, чуть моложе меня, смеялась, отламывая кусочек торта. Рядом с ней сидел мужчина с дорогими часами.

Я невольно опустила взгляд на свои руки. Пальцы покраснели от холода. Я достала из кармана мелочь и начала пересчитывать её прямо на ладони.

Один рубль, два, пять... десять.

Стоимость проезда на маршрутке выросла, я видела объявление утром. Теперь цифры в моей голове не сходились. Красный диплом бухгалтера сейчас был просто куском картона. Он не мог подсказать мне, как растянуть сто рублей на три дня и при этом не выглядеть как бродяжка.

— Не хватает, — сорвалось с моих губ.

Я считала снова и снова, надеясь, что какая-то монетка спряталась в складках. Но чудес не случилось. Чтобы доехать завтра до склада, мне нужно было либо не есть завтра совсем, либо...

Я подняла глаза на витрину. На меня смотрело мое собственное отражение — серая тень на фоне чужого праздника. Глаза казались огромными на исхудавшем лице.

В этот момент я поняла: мой «план А» провалился. Город не собирался принимать меня только за то, что я честная и трудолюбивая. Сергей был прав — в каком-то смысле я действительно была никому не нужна.

Я сжала кулак так сильно, что монетки впились в кожу.

— Ну уж нет, — прошептала я своему отражению. — Я не вернусь. Даже если мне придется вымыть весь этот город с мылом.

Я развернулась и пошла прочь от ярких огней, в сторону своей серой пятиэтажки. В моей голове медленно, но верно созрел «план Б». Завтра я не поеду на собеседование. Завтра я пойду искать любую работу. Потому что гордость не утоляет голод, а месть... месть требует, чтобы я как минимум осталась в живых.

Глава 4

Левый сапог хлопал. Этот звук — мерзкое, чавкающее «чпок-чпок» — преследовал меня от самого подъезда, ввинчиваясь в мозг хлеще любого оскорбления. В Березовке я бы просто отдала обувь Сергею, и через десять минут подошва сидела бы как влитая, пахнувшая свежим клеем и уверенностью. Но здесь, в серой утренней мгле мегаполиса, чавканье сапога звучало как обратный отсчет моей городской жизни.

Я опустила на край табурета в своей каморке. Раиса Ивановна за дверью уже начала свой утренний обход, громко кашляя и хлопая дверцами шкафов. Вчерашний подсчет мелочи не оставил места для маневров: завтра нужно платить за следующую неделю, иначе мой нехитрый скрб окажется на лестничной клетке.

Достав из сумки рулон широкого прозрачного скотча — остаток от сборов в дорогу — я решительно перевернула сапог. Подошва отошла у самого носка, обнажив пористую, промокшую внутренность. Я тщательно вытерла ее туалетной бумагой и начала обматывать носок сапога слой за слоем. Скотч поблескивал, как дешевый ламинат, зато чавканье должно было прекратиться.

Это был мой личный символ падения. Бухгалтер с красным дипломом, отличница, гордость Березовки, теперь заклеивает обувь скотчем, чтобы дойти до ближайшей подворотни. Я посмотрела на папку с документами, лежащую на столе. Там, под прозрачным пластиком, лежал мой диплом. Я открыла сумку и решительно запихнула папку на самое дно, прикрыв ее старым вязаным шарфом.

Сегодня я не пойду в офисные центры. Сегодня я не буду рассказывать про дебет и кредит. Сегодня мне нужны живые деньги, пахнущие хлебом и потом, а не обещания «мы вам перезвоним».

Выйдя на улицу, я почувствовала, как город выдохнул мне в лицо ледяной пар. Ноябрь здесь не церемонился — он сразу брал за горло. Я шла, глядя не на витрины, а на двери.

«Требуется хостес». Отказ. Слишком провинциально выгляжу.

«Нужна официантка». Отказ. Нет опыта в системе «R-Keeper».

«Ищем продавца-консультанта в бутик». Даже не зашла — мой скотч на сапоге предательски блеснул под яркими лампами входа.

Я брела уже часа три, когда ноги начали неметь от холода. Ноги в скотче не промокали, но и не грели. На углу старой сталинки, где штукатурка осыпалась, обнажая дряхлые кирпичи, я увидела вывеску. Не неон, не пластик — простая деревянная доска, на которой краской было выведено: «Кафе УЮТ». А рядом, на обычном листе А4, приклеенном скотчем (моим верным союзником), размашисто написано: «ТРЕБУЕТСЯ ПОСУДОМОЙКА И УБОРЩИЦА. СРОЧНО».

Я замерла. Внутри всё заныло от остатков гордости. «Люда, ты серьезно? Полы мыть?» — прошептал голос Сергея в моей голове. — «Ты же у нас королева, только счета считать умеешь».

— Заткнись, — пробормотала я и толкнула тяжелую дверь.

Внутри пахло... домом. Тем самым запахом, который не встретишь в пафосных ресторанах. Пережаренный лук, свежие котлеты, хлорка и какао. Интерьер застрял где-то в конце девяностых: массивные столы, покрытые плотными клеенками, искусственные лианы под потолком и огромная витрина-холодильник с салатами в майонезе.

За кассой стояла женщина, которую невозможно было не заметить. Ей было лет пятьдесят пять, а может, и все шестьдесят, но сдавалась она возрасту с боем. Высокий накрахмален-

ный начес, густо залитый лаком, отливал фиолетовым. Глаза были обведены жирной черной подводкой, а губы сияли перламутровой помадой.

— Чего стоим? — зычно спросила она, не отрываясь от подсчета каких-то квитанций. — Обед через сорок минут, кухня еще не готова.

— Я по объявлению, — я шагнула ближе, стараясь не хромать. — Насчет уборщицы.

Женщина наконец подняла голову. Ее взгляд — цепкий, рентгеновский — прошелся по мне, как сканер. От кончиков волос до моих заклеенных сапог. Я выпрямила спину. Пусть я в скотче, но я чистая и не пьяная.

— Галина Петровна я. Хозяйка этого дурдома, — представилась она, откладывая ручку. — Интеллигентка, значит? Диплом в сумке, в животе пусто, а в глазах — вся скорбь народа?

— Мне нужна работа, — просто сказала я. — Я умею работать руками. И я не боюсь грязи.

Галина Петровна хмыкнула, обнажив золотую коронку.

— Все вы так говорите, пока первую гору жирных сковородок не увидите. Откуда сама? Из «понаехавших»?

— Из Березовки.

— О, деревенская... Это хорошо. У вас хребет покрепче будет. Значит так, Люда из Березовки. Плачу в конце смены. Питание — один раз, тем, что осталось, но у нас вкусно, я за поваров лично шкуру спущу. Смена с восьми утра до восьми вечера. Полы в зале, туалет, посуда на кухне. И не дай бог увижу разводы — вылетишь без выходного пособия. Идешь?

— Иду. Прямо сейчас могу начать.

— Настырная. Это мне нравится, — Галина Петровна кивнула в сторону узкого коридора. — Дуй на кухню, там Зоя — повар. Скажи, я прислала. Она тебе выдаст «обмундирование».

Рабочий день превратился в бесконечный туман из пара и пены. Кухня кафе «Уют» была маленьким адом, где царила Зоя — суровая женщина с красным лицом и огромным черпаком. Гора посуды не кончалась. Тарелки с остатками подлив, липкие стаканы, огромные алюминиевые кастрюли, которые нужно было драить железной мочалкой.

К четырем часам дня я перестала чувствовать руки. Кожа от горячей воды и ядреного моющего средства стала ярко-красной и сморщенной. Но странное дело — чем сильнее ныла спина, тем тише становилось в голове. Когда ты оттираешь пригоревшую гречку от дна кастрюли, тебе некогда думать о том, как Сергей прижимал к себе Ларису. Грязь была осязаемой, понятной, и я побеждала её.

— Слышь, отличница, — Зоя толкнула меня плечом, — иди поешь. А то свалишься тут в обморок, мне потом Галина плешь проест, что я кадры извожу.

Она сунула мне тяжелую фаянсовую тарелку со сколотым краем. На ней лежала гора пюре с маслом и две пухлые, лоснящиеся жиром котлеты. Рядом — ломоть серого хлеба.

Я села в углу на узкую лавку, прямо под вешалкой с халатами. Руки дрожали так сильно, что вилка звякала о зубы. Первая ложка еды показалась мне божественным нектаром. Я ела медленно, стараясь не заглатывать куски, как голодный пес. Пюре было настоящим, не из порошка, с комочками и вкусом молока.

«Вот она, твоя вершина, Люда», — ехидно шепнуло подсознание. — «Раньше ты сводила балансы на миллионы, а теперь за счастье считаешь объедки с кухни».

Я заставила себя проглотить этот ком вместе с куском котлеты. Нет, это не объедки. Это честный заработок. В Березовке меня бы жалели, охали бы за спиной: «Бедная Люська, дока-тилась до поломойки». А здесь... здесь я была просто работником. Номером в штатном расписании. И это дарило странную, почти пугающую свободу.

К восьми вечера зал кафе опустел. Галина Петровна заперла входную дверь и выключила основное освещение. В полумраке «Уют» стал казаться еще более старым и усталым.

— Ну, показывай, что ты там начистила, — хозяйка вышла в зал, шурша тяжелой юбкой. Она прошла по залу, заглядывая под

Она прошла по залу, заглядывая под столы и проводя пальцем по подоконникам, где еще утром лежали слои вековой серой пыли. Я стояла у барной стойки, вцепившись в мокрую тряпку, и чувствовала, как сердце стучит где-то в горле. Моя первая ревизия. Только теперь на кону был не баланс, а право не ночевать на вокзале.

Галина Петровна остановилась у дальнего угла, присела, кряхтя и поправляя фиолетовый начес, и заглянула под радиатор отопления. Там обычно скапливались дохлые мухи и бумажные обертки, которые предыдущие уборщицы просто заталкивали подлубе.

— Хм, — только и сказала она, выпрямляясь. — Углы вылизаны. Даже плинтуса протерла. Ты что, Люда, отличницей в школе была?

— Медалисткой, — тихо ответила я, не зная, хвастаться этим сейчас или стыдиться.

— Вижу. Медалистки — они такие. Либо ломаются сразу, либо грызут до конца.

Она подошла к кассовому аппарату, открыла его с резким металлическим звоном и достала несколько купюр. Мелких, помятых, пахнувших всем миром сразу.

— Вот твои за смену. И еще пятьсот сверху — за то, что Зою не довела до инфаркта. Она баба лютая, но если похвалила твою мойку, значит, ты и впрямь старалась.

Я взяла деньги. Пальцы, разъеденные «Белизной» и горячей водой, почти не чувствовали бумаги, но я ощутила этот вес. Пятьсот рублей бонуса. Мои первые деньги в этом городе, заработанные не умом, а мозолями.

— И вот еще, — Галина Петровна сунула мне плотный бумажный сверток. — Списание. Два пирожка с картошкой и грибами. Зоя хотела собакам выбросить, но я сказала — побереги. Собаки перебьются, а тебе завтра опять спину гнуть.

— Спасибо, — искренне сказала я. Запах теста пробился сквозь запах хлорки, и в животе предательски заурчало.

— Всё, дуй домой. Завтра в восемь как штык. Опоздаешь на пять минут — штраф. На десять — ищи другое место.

Я вышла через служебный вход. Тяжелая металлическая дверь захлопнулась за спиной с гулким лязгом, отрезая тепло кафе от ледяного ноябрьского вечера. Город уже окончательно переоделся в ночное: фонари горели тусклым, желтушным светом, а редкие машины проносились мимо, обдавая тротуар соленой жижей.

Я прижала сверток к груди. Пирожки всё еще хранили тепло духовки, и это было единственное живое тепло в радиусе нескольких километров. Ноги гудели так, словно в них залили свинец. Скотч на сапоге начал отклеиваться, и при каждом шаге я снова слышала это унизительное «чпок-чпок».

Я свернула за угол здания, к мусорным контейнерам. Там, в тени кирпичного выступа, стояла старая, перекошенная скамейка. На ней, сжавшись в комок, сидел человек.

Сначала я подумала, что это просто куча тряпья, брошенная кем-то из жильцов. Но куча шевельнулась. Из-под нагромождения каких-то старых курток и грязного одеяла высунулась рука в дырявой перчатке. Человек дрожал — мелко, часто, так, что скамейка едва заметно вибрировала. Капюшон был надвинут по самые брови, скрывая лицо.

Я замерла. В Березовке мы знали всех своих бродяг по именам. Тот же дядя Митя — тихий алкаш, который за чекушку мог вскопать огород. Здесь же... здесь бездомный казался частью городского пейзажа, такой же безликой и холодной, как этот бетон.

«Иди мимо, Люда», — шепнул рассудок. — «Тебе самой есть нечего. Тебе завтра на метро ехать и Раисе платить. У тебя в руках — твой завтрак. Твоя единственная радость за весь этот проклятый день».

Я сделала шаг. Потом еще один. Остановилась.

Я вспомнила Сергея. Его самодовольное лицо, когда он говорил, что я — моль. Вспомнила Ларису, которая жалела меня, попивая мое же вино. Все они считали себя выше, лучше, сильнее.

А этот человек на скамейке... он не был выше. Он был на самом дне. И если я сейчас пройду мимо, я стану такой же, как те «Снежаны» из офисов, которые смотрели сквозь меня, не видя человека за дешевым пальто.

Я развернулась и подошла к скамейке. Бродяга не поднял головы. Он только сильнее втянул шею в плечи, ожидая удара или окрика.

— Возьмите, — я протянула сверток. Голос прозвучал хрипло, я сама его не узнала. — Они еще теплые. С картошкой.

Рука в дырявой перчатке замерла. Потом медленно, очень осторожно, словно боясь, что я сейчас отдерну руку и рассмеюсь, пальцы коснулись бумаги.

— Берите, берите, — я вложила сверток ему в ладони. — Мне... мне Галина Петровна еще дала.

Это была ложь, но она далась мне легко. Бродяга наконец поднял голову.

В свете далекого фонаря я увидела его глаза. Я ожидала увидеть мутный, пропитой взгляд, красные веки или пелену безумия. Но на меня смотрели глаза человека, который был... здесь. В сознании.

Это были странные глаза. Темные, глубокие, и в них не было просьбы. В них было какое-то застывшее, ледяное удивление. И еще — странная, неуместная здесь чистота. Лицо, заросшее густой клочковатой щетиной и перемазанное какой-то сажей, казалось маской, под которой пряталось что-то совсем другое.

Он взял пирожки. Его пальцы — длинные, с ровными, хоть и грязными ногтями — сжали сверток. Он не набросился на еду сразу, не начал рвать бумагу зубами.

— Спасибо, — произнес он.

Я вздрогнула и непроизвольно сделала шаг назад.

Голос.

Это был не хриплый лай бродяги, пропившего связки дешевым спиртом. Голос был глубоким, бархатистым баритоном. Так говорят люди, привыкшие, что их слушают. Так говорят те, кто диктует условия, а не просит милостыню. В этом «спасибо» было столько достоинства, что мне на секунду стало неловко за свой драный скотч на сапогах.

Тембр показался мне смутно знакомым. Словно я слышала его когда-то — в телевизоре, в аудиокниге или в дорогом сне, который приснился и забылся.

— Пожалуйста, — пробормотала я, пятясь. — Кушайте. Ночи сейчас холодные.

Я развернулась и почти побежала в сторону метро, не оборачиваясь. Чавканье сапога теперь казалось мне оглушительным. В голове крутилось только одно: его глаза и этот голос.

«Бомж с голосом диктора», — подумала я, ныряя в подземный переход.

Я не знала, что на той скамейке Руслан Валенский, человек, чье имя заставляет содрогаться конкурентов, впервые в жизни почувствовал не вкус элитного коньяка, а вкус настоящей, бескорыстной человеческой жалости. И что этот вкус окажется сильнее всего, что он покупал за свои миллионы.

А пока я просто ехала в вагоне метро, прислонившись головой к стеклу, и мечтала только об одном — чтобы Раиса Ивановна сегодня не заняла душ раньше меня. Моя первая победа над городом была одержана, но я еще не знала, что за неё придется заплатить гораздо большую цену, чем два пирожка с картошкой.

Глава 5(Руслан)

(от лица Руслана)

Бумага обжигала пальцы сквозь тонкий слой дешевых салфеток, и этот жар был почти невыносимым. Я вдыхал густой, тяжелый запах пережаренного масла, дрожжевого теста и чего-то еще — простого, как сама земля. Пирожки. Обычные пирожки с картошкой, которые три дня назад я бы не скормил даже бродячему псу в своем элитном поселке.

Но сейчас мои руки дрожали не от отвращения. Они дрожали от голода, который из абстрактного понятия превратился в тупую, пульсирующую боль в желудке.

Я смотрел вслед уходящей девушке. Она шла быстро, сутулясь от холода, и этот её сапог... мерзкий звук отклеивающегося скотча бил по моим нервам сильнее, чем крики на бирже. «Чпок-чпок». Ритм нищеты. Ритм города, которому на тебя плевать.

Три дня. Всего семьдесят два часа назад я стоял под душем в своем пентхаусе, подставляя лицо под струи воды, насыщенной ионами серебра и ароматом сандала.

— Ты сдохнешь там через сутки, Рус, — Максим Аксенов, мой лучший друг и по совместительству главный прожигатель жизни в этом полушарии, лениво потягивал виски, развалившись в моем кожаном кресле за полмиллиона. — Твой предел — это когда в айфоне зарядка садится до пяти процентов. Вот тогда у тебя начинается «выживание».

Я тогда только усмехнулся, поправляя запонки. Максим всегда был мастером провокации, но в тот вечер его слова упали на благодатную почву. Мне было скучно. Смертельно, до ломоты в костях скучно. Жизнь превратилась в бесконечный конвейер из цифр, идеальных лиц и предсказуемых побед. Каждая женщина, которая оказывалась в моей постели, заранее знала, какую сумочку она попросит на прощание. Каждый партнер по бизнесу заранее готовил нож в спину, упакованный в обертку из лести.

— Ты думаешь, я такой же изнеженный мажор, как ты, Макс? — я обернулся к нему, чувствуя, как внутри закипает холодный азарт.

— Я думаю, что без своего платинового «Мастеркарда» и фамилии Валенский ты — прозрачное место, — Максим подался вперед, в его глазах блеснул нехороший огонек. — Знаешь, мой знакомый открыл контору. «Взгляд со дна» называется. Полное погружение. Тебя раздевают, мажут какой-то дрянью, выдают тряпье и выбрасывают в город без гроша. Месяц, Рус. Один месяц. Если выдержишь и не нажмешь на тревожную кнопку — я проиграю тебе ту долю в строительном холдинге, на которую ты зубы точишь уже год.

Я замер. Доля в холдинге стоила миллионы, но дело было не в деньгах. Дело было в вызове. В желании доказать самому себе, что под слоем кашемира и дорогого парфюма всё еще остался тот парень, который когда-то зубами выгрызал свое право на успех.

— Месяц — это слишком долго для тебя, Макс. Ты проиграешь раньше, чем я проголодаюсь, — ответил я тогда.

Если бы я знал. Если бы я только мог представить, что такое настоящий голод.

Трансформация в агентстве «Взгляд со дна» была унижительной. Хмурый гример с внешностью патологоанатома втирал в мою кожу липкий состав, имитирующий многодневную грязь. Мне выдали куртку, которая пахла подвалом и старым страхом. Сапоги были на размер больше и жали в подъеме.

— Ваше новое имя — Руся, — сказал гример, не глядя мне в глаза. — Ваше прошлое стерто. У вас есть только это пальто и лавочка в парке. Вот кнопка. Нажмете — и через десять минут вас заберет машина с чистыми полотенцами и горячим чаем. Но пари будет проиграно.

Первые двенадцать часов я еще пытался иронизировать. Я гулял по центру, рассматривая витрины и лица прохожих. Но город быстро поставил меня на место. Когда я попытался зайти в

торговый центр, чтобы просто согреться, охранник — парень, который, скорее всего, получал в месяц меньше, чем стоят мои туфли, — просто толкнул меня в грудь.

— Проваливай, бомжара. Здесь приличные люди ходят, — бросил он с такой искренней ненавистью, что я на секунду потерял дар речи.

Приличные люди. Я хотел крикнуть ему, кто я такой. Хотел купить это здание и уволить его к чертям. Но я промолчал. Потому что по правилам пари я был никем.

Вторая ночь была самой страшной. Приморозило. Ноябрь в этом году решил показать характер. Я сидел в подворотне, кутаясь в свое рванье, и чувствовал, как холод медленно, слой за слоем, вынимает из меня жизнь. Мои мысли, обычно четкие и быстрые, стали вязкими. Я мечтал не о доле в холдинге. Я мечтал о куске горячего хлеба.

И вот наступил третий день. Я оказался у черного входа этого кафе с издевательским названием «Уют». Сел на скамейку, просто потому что ноги больше не держали. Я видел её утром.

Она появилась у дверей кафе за несколько минут до открытия. Тонкая, бледная, в сером пальто, которое видело лучшие времена. Она не шла — она несла себя, стараясь сохранить остатки достоинства. Но этот звук... скотч на её сапоге. Он кричал о её беде громче любого плаката.

Я наблюдал за ней через окно кухни. Видел, как она моет полы. С каким остервенением она трет кафель, словно пытается вычистить не только грязь, но и какую-то свою внутреннюю боль. Она не была похожа на обычную посудомойку. Слишком ровная спина, слишком умный взгляд. В ней чувствовалась порода, которую невозможно скрыть даже за дешевой одеждой.

Вечером, когда она вышла, я ожидал, что она просто пройдет мимо. Брезгливо отвернется или прибавит шаг, как делали сотни других «приличных людей» сегодня.

Но она подошла.

Я сжался, ожидая, что меня сейчас прогонят. Но вместо окрика я увидел сверток.

— Возьмите, — сказала она.

Её голос... Тихий, мелодичный, с той самой интонацией, которая бывает у людей, знающих истинную цену сострадания. Она врала мне. Врала, что ей дали лишнее. Я видел, как она смотрела на эти пирожки — так смотрят на последнее сокровище. Её руки были красными, распухшими от ледяной воды и химии, пальцы дрожали от усталости.

Я поднял голову и встретился с ней взглядом. В её глазах не было жалости — той унижительной, липкой жалости, которую я презирал. Там было понимание. Она видела во мне не «бомжа Русю». Она видела человека, которому холодно.

— Спасибо, — вытолкнул я из себя. Мой собственный голос показался мне чужим.

Когда она ушла, я развернул бумагу. Первый укус был похож на взрыв. Горячая картошка, тесто, вкус жизни. Я ел и чувствовал, как по щеке ползет что-то горячее. Слеза? Руслан Валенский плачет из-за пирожка за десять рублей?

Максим был прав. Я был прозрачным местом. Но эта девчонка... она сделала меня осязаемым. Она отдала мне свой единственный ужин, хотя сама едва стояла на ногах от голода и усталости. Она не знала о моих миллионах, о пентхаусе, о пари. Она видела только замерзающего человека.

Я нащупал в кармане «тревожную кнопку». Маленькое пластиковое устройство, мой пропуск обратно в мир кашемира и безопасности. Достаточно одного нажатия — и этот кошмар закончится. Я вернусь в тепло. Я снова стану Богом.

Я посмотрел на мусорный бак, стоящий рядом со скамейкой.

Она заклеивает сапоги скотчем. У неё руки в язвах от «Белизны». И она нашла в себе силы поделиться последним.

Если я нажму на кнопку сейчас, я предам не пари. Я предам этот вкус милосердия, который она мне подарила.

Я размахнулся и швырнул кнопку в глубину мусорного бака. Глухой стук о дно прозвучал для меня как выстрел стартового пистолета.

Пари с Максимом больше не имело значения. Теперь у меня было свое собственное пари. С самим собой.

Я хочу узнать, кто она. Хочу понять, что заставило её, такую чистую и гордую, оказаться здесь, в этой грязной кухне. И я клянусь — чего бы мне это ни стоило, я не оставлю её одну на этом «дне».

Я доел последний кусочек пирожка, тщательно собрал крошки с бумаги и завернулся в свое грязное одеяло. Холод никуда не делся, но внутри, там, где раньше была выжженная пустыня скуки, теперь горел маленький, ровный огонек.

Я остаюсь. Руся остается. Игра закончилась. Началась жизнь.

Глава 6

Первая неделя в мегаполисе стерла с меня глянец «чистой девочки» быстрее, чем наждак снимает краску со старого забора. Мои руки, которыми я когда-то так гордилась, перебирая отчетные ведомости в сельпо, превратились в нечто чужое. Кожа на пальцах огрубела, потрескалась от дешевого моющего средства с едким запахом хлора, а под ногтями поселилась неистребимая серость, которую не брала даже жесткая щетка Зои.

Работа посудомойкой — это не просто физический труд. Это добровольное погружение в липкий, душный мир чужого недоеда. Весь день я видела город через объедки на тарелках: недогрызенные корки хлеба, размазанный по фаянсу жирный соус, окурки, потушенные в остатках пюре. Город жевал, глотал и выплевывал, а я стояла у раковины, смывая эти следы чужого пресыщения.

Но, как ни странно, спина, ломившая к вечеру так, будто по ней проехал трактор «Беларусь», приносила облегчение. Когда болит тело, душе некогда выть.

Каждый вечер в восемь пятнадцать я выходила через заднюю дверь. Металлическая створка лязгала за спиной, и я оказывалась в темноте переулка, где пахло мокрым асфальтом и застарелым холодом. И каждый вечер он был там.

Мой «Руся».

Он сидел на той же перекошенной скамье, кутаясь в свое невообразимое тряпье. За неделю он стал для меня чем-то вроде дорожного знака — неизменным атрибутом моего нового пути. Я выносила ему то пару котлет, завернутых в промасленную бумагу, то остатки гуляша в пластиковом контейнере, который Зоя разрешала «утилизировать».

— Опять пришла, — негромко сказал он в этот вечер. Капюшон по-прежнему скрывал часть лица, но я уже узнавала этот голос. Глубокий, спокойный, совершенно не вяжущийся с его положением.

— Пришла, — я опустила на край скамьи, подальше от него, но так, чтобы чувствовать: я не одна. — Ешь, пока теплое. Зоя сегодня расщедрилась, даже кусок пирога с лимоном положила. Сказала, «для твоего доходяги».

Он взял сверток. Его движения были скупыми и точными. Никакой суеты, никакой жадности. Он ел медленно, глядя куда-то перед собой, в пустоту между мусорными баками и стеной сталинки.

— Почему ты это делаешь, Люда? — спросил он вдруг. — У тебя у самой в кошельке только на проезд до твоей Раисы Ивановны осталось. Я же вижу, как ты пересчитываешь мелочь у кассы.

Я вздрогнула. Я и не знала, что он наблюдает за мной сквозь витрину.

— Потому что я тоже прозрачная, Руся, — ответила я, глядя на свои изуродованные водой руки. — В Березовке я была кем-то. Людмилой Новиковой, дочкой уважаемых людей, невестой лучшего парня... А здесь я — шум воды в раковине. Ты — куча тряпья на скамье. Мы с тобой одного поля ягоды теперь.

Слово «невеста» отозвалось в груди резким спазмом. Словно кто-то провернул там заржавевшую спицу. Пять дней я держалась. Пять дней я носила в себе эту ядовитую смесь из обиды и неверия. Но сегодня, под этим серым небом, рядом с человеком, которому было еще хуже, чем мне, плотину прорвало.

— Он изменил мне в нашу годовщину, — прошептала я, и первая слеза, горячая и соленая, скатилась по щеке, оставляя чистую дорожку на припыленной коже. — Пять лет я ждала. Пять лет строила дом, сажала цветы в палисаднике, верила каждому слову. А он... в гараже, на мазутном диване... с Лариской.

Я закрыла лицо руками. Рывдания вырывались из самой глубины, некрасивые, хриплые. Я плакала о своей растоптанной чистоте, о глупых мечтах, о том голубом платье, которое так и осталось висеть в шкафу у Раисы Ивановны как памятник моей глупости.

— Она смеялась мне в лицо, Руся. Сказала, что я моль. Что со мной скучно. А он... он просто стоял и смотрел. А потом обвинил меня. Сказал, что я сама виновата, потому что «правильная» слишком.

Я ждала, что он скажет что-то банальное. «Забудь», «найдешь лучше», «все мужики козлы». Но Руслан молчал. Он просто сидел рядом, и я чувствовала, как от него исходит какое-то тяжелое, гранитное спокойствие. Он не пытался меня обнять — и слава богу, я бы отшатнулась. Но его присутствие работало как анестезия.

— Знаешь, Люда, — заговорил он, когда я наконец затихла, размазывая слезы по лицу. — Люди часто путают доброту со слабостью, а верность — со скукой. Твой механик просто мелковат для такой женщины. Ему нужно было что-то попроще, что-то, что не заставляет его тянуться выше своего уровня. Ему комфортно в грязи. А тебе — нет.

Я подняла голову, всматриваясь в его профиль. В темноте он казался высеченным из камня.

— Откуда ты всё это знаешь? Ты говоришь... не как бомж.

Он коротко, невесело усмехнулся.

— На дне, Люда, очень хорошо думается. Здесь нет шума, который мешает видеть суть.

Мы посидели в тишине еще минут десять. Ветер усилился, швыряя в лицо мелкую ледяную крупу. Ноябрь в этом году был особенно беспощаден.

— Тебе нельзя здесь оставаться, Руся, — сказала я, поднимаясь. — Галина Петровна сегодня злая была. Шпана местная вчера ночью окно в зале разбила, камень бросили. Хотят, чтобы она им «за охрану» платила, как в девяностые. Она их послала, конечно, но теперь боится. Сказала, придется сигнализацию ставить, а это дорого.

Я замолчала, и в голове вдруг щелкнуло. Мысль была безумной, рискованной, но она казалась единственно верной.

— Пошли со мной, — решительно сказала я.

— Куда? — он удивленно приподнял бровь.

— К черному входу. Подожди там. Я сейчас.

Я вошла в кафе. В зале было пусто, только Галина Петровна сидела за кассой, пересчитывая дневную выручку. Вид у нее был воинственный: губы сжаты в узкую полоску, фиолетовый начес слегка покосился.

— Галина Петровна, — позвала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я насчет охраны.

Хозяйка подняла на меня тяжелый взгляд.

— Чего? Ты, что ли, с тряпкой наперевес супротив тех лбов пойдешь, Люда? Не смейся мои тапки.

— Не я. Руслан. Тот человек, что у нас на задворках сидит.

Галина Петровна отложила пачку купюр и внимательно посмотрела на меня.

— Тот бродяга? Ты в уме ли, девка? Приведешь волка в овчарню, он нам кассу вынесет и поминай как звали.

— Он не вор, — горячо возразила я. — Я за него ручаюсь. Своей зарплатой ручаюсь, Галина Петровна. Он не пьет, я ни разу от него запаха не чувствовала. Ему просто некуда идти. Посадите его в подсобку на ночь. Выдайте старый матрас. Он будет сторожить. Шпана увидит,

что в кафе кто-то есть, и не полезет. Вам — спокойствие, ему — крыша над головой. Платить ему можно едой и копейками.

Галина Петровна долго молчала, барабанила пальцами по столу. Золотые кольца на её руках глухо постукивали.

— Под твою ответственность, Новикова. Если хоть одна ложка пропадет — вычту из твоего оклада до копейки. И Раисе твоей стукану, что ты подозрительных личностей пристраиваешь.

— Договорились, — выдохнула я.

Я выскочила на улицу. Руслан стоял у стены, припорошенный снегом. Он выглядел как привидение, затерянное между мирами.

— Пойдем, — я потянула его за рукав. — Галина согласилась. Будешь сторожем. Ночуешь в подсобке, там тепло. Есть старая плитка, чайник.

Он не двигался.

— Люда, ты понимаешь, что ты сейчас сделала? Ты привела незнакомца в дом. Ты же меня совсем не знаешь.

Я посмотрела ему прямо в глаза — туда, где под слоем копоти и усталости билась его настоящая душа.

— Ты ел мой пирог с лимоном, Руся. И ты слушал, как я плачу. Этого достаточно. Пошли.

Подсобка кафе «Уют» была завалена пустыми коробками из-под салфеток и банками с консервированным горошком. Пахло здесь пылью, сухими травами и немного — мышами. Но по сравнению с улицей это был рай. Я нашла в углу старый ватный матрас, брошенный кем-то из прежних грузчиков, и чистую мешковину.

— Вот, — я показала на закуток за стеллажами. — Здесь тебя не видно будет с улицы. Плитка работает, только шнур надо прижать плотнее. Чай на полке, Галина разрешила брать.

Руслан зашел внутрь. Он медленно снял капюшон. В тусклом свете одинокой лампочки я впервые увидела его лицо целиком. Не старик. Совсем не старик. Резкие, породистые черты, упрямый подбородок, высокий лоб. Если бы не эта дикая щетина и грязь, он мог бы быть...

Я осеклась. Мои мысли занесло куда-то не туда.

— Спасибо, коллега, — тихо сказал он.

Это слово — «коллега» — заставило меня улыбнуться. Впервые за неделю.

— Отдыхай, Руся. Завтра в восемь я приду на смену. И смотри мне, не подведи. Я за тебя головой отвечаю.

Я вышла из кафе, чувствуя странную легкость. Сапог по-прежнему хлюпал, Раиса Ивановна наверняка заждалась с нотациями о позднем возвращении, а в Березовке Сергей, возможно, уже вовсю планировал свадьбу с Ларисой.

Но сегодня я засыпала не просто «посудомойкой Людой». Я была человеком, который спас другого человека. И в этом холодном, равнодушном городе у меня наконец-то появился союзник. Пусть и в лохмотьях, зато с баритоном, в котором слышалось обещание чего-то большего, чем просто выживание.

Глава 7(Руслан)

(от лица Руслана)

Удары лома о промерзший асфальт отдавались в плечах тупой, изматывающей болью. Каждое движение — как маленькая пытка. Мои ладони, еще неделю назад знавшие только тяжесть дорогой перьевой ручки и кожаный руль спортивного купе, теперь горели, покрываясь рваными мозолями. Ноябрьский воздух, густой и липкий от смога, застревал в легких колючими льдинками.

Я, Руслан Валенский, человек, чей рабочий день обычно начинался с чашки «копи-луwak» и сводок с Нью-Йоркской биржи, теперь стоял на коленях перед крыльцом занюханного кафе «Уют», выгрызая лед из трещин в бетоне.

Пари с Максом из забавного приключения окончательно превратилось в чистилище. Но, странное дело, нажимать на тревожную кнопку в кармане грязных штанов хотелось всё меньше. Слишком много «настоящего» оказалось в этой грязи.

— Руся, ты там заснул, что ли? — зычный голос Галины Петровны прорезал утреннюю тишину. — Коли давай резвее, клиенты придут — ноги переломают, я на тебя судебные иски вешать не буду, не надейся!

Я молча кивнул, не поднимая головы. Если я заговорю, она может услышать в моем голосе то, что ей знать не положено. Ритм, интонации, правильные ударения — всё это выдавало во мне чужака. А мне нужно было стать тенью. Сторожем Русей, который за крышу над головой и миску супа готов вкалывать до седьмого пота.

Закончив с крыльцом, я потащил тяжелые, вонючие баки к мусорным контейнерам. Мышцы выли от напряжения. В моей «прошлой» жизни спортзал был ритуалом, демонстрацией силы. Здесь физический труд стал способом не сдохнуть от холода.

Дверь служебного входа скрипнула. Я замер, привалившись к стене. Появилась она.

Люда.

Она всегда приходила за пятнадцать минут до начала смены. Маленькая, хрупкая, в своем неизменном сером пальто, которое на её плечах казалось королевской мантией, по ошибке сшитой из мешковины. Она шла по переулку, и этот её сапог по-прежнему издавал жалобное «чпок-чпок». Скотч размок и едва держался, но она не замедляла шаг.

Я наблюдал за ней через приоткрытую дверь подсобки, пока она переодевалась в свой рабочий фартук. В ней не было этой суетливой покорности, которую я привык видеть у обслуживающего персонала в своих офисах. Люда двигалась четко, почти механически, но в каждом жесте сквозило достоинство. Она не просто мыла пол — она отвоевывала пространство у хаоса.

К полудню кафе наполнилось запахом жареного лука и дешевого табака. Я сидел в углу подсобки, перебирая старые коробки, когда в зал влетела Галина Петровна.

— Ну это же грабеж! Чистой воды грабеж! — вопила она, размахивая какими-то бумажками. — Зоя! Иди сюда, глянь, что этот Вася-молочник наворотил!

Зоя, повар с руками-кувалдами, вытерла ладони о фартук и уставилась в накладную.

— Галь, ну я не знаю... Тут цифры, тут печать. Сказал, цена выросла из-за логистики.

— Какой логистики?! Он из соседнего района везет! Люда! Иди-ка сюда, глянь своим глазом молодым, может, я ослепла на старости лет?

Люда как раз выходила из зала с ведром. Она поставила его у двери, вытерла руки о передник и подошла к стойке. Я невольно подался вперед, наблюдая за ней сквозь щель в дверях.

В тот момент, когда она взяла в руки накладную, её лицо изменилось. Это было похоже на то, как включается мощный компьютер. Взгляд стал острым, холодным, аналитическим. Она не просто читала — она сканировала лист.

— Здесь ошибка, Галина Петровна, — тихо, но очень твердо сказала Люда. — И не в логистике дело. Посмотрите на четвертую позицию. Он применил ставку НДС дважды — сначала включил в стоимость единицы, а потом добавил в итоговую сумму. И еще... вот здесь. Коэффициент жирности посчитан по высшей категории, а в спецификации указан второй сорт.

В кафе повисла тишина. Даже Зоя перестала жевать свою вечную сушку. Галина Петровна вытаращила глаза.

— Чего? По-русски скажи, Людок. Он нас кинул?

— На три тысячи четыреста рублей только в этой поставке, — Люда взяла карандаш и быстрыми, уверенными движениями сделала несколько пометок прямо на накладной. — Если учесть, что он возит трижды в неделю, за месяц вы теряете приличную сумму.

Она вернула накладную хозяйке и, как ни в чем не бывало, взяла свое ведро.

— Полы в дальнем углу домою и переоденусь, — бросила она через плечо.

Я сидел, боясь шелохнуться. Это был удар под дых. Эти три тысячи четыреста рублей она нашла за пять секунд. Я знал лучших финансовых аналитиков Москвы, которые тратили часы на подобную сверку. А эта девочка, которая моет туалеты за обедки, щелкает такие задачи как орехи.

«Кто ты такая, Люда Новикова?» — вопрос жжег горло сильнее, чем дешевый чай.

Вечер опустился на город внезапно. Кафе закрылось, Галина ушла, доверив мне ключи («Смотри, Руся, хоть одну вилку потеряешь — лично кастрирую!»). Люда задержалась — Зоя попросила её помочь с инвентаризацией на складе. Повар честно призналась, что «цифры её ненавидят», и Люда, добрая душа, осталась разгребать завалы консервных банок и мешков с сахаром.

Она вышла из склада почти в десять вечера. Лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени. Она зашла в подсобку, где я уже поставил чайник.

— Устала? — спросил я, стараясь придать голосу максимально нейтральный, «сторожевой» тон.

— С ног валюсь, — Люда опустилась на жесткий табурет. — Но ничего, зато Зоя завтра не будет плакать над ведомостью.

Она прислонилась головой к стене. Чайник зашумел, наполняя комнату паром. Я отвернулся, чтобы достать заварку, а когда обернулся через пару минут — она уже спала. Мгновенно. Так засыпают только люди, выжатые до последней капли. Её голова упала на сложенные на столе руки, пальцы, покрасневшие от холодной воды, слегка подрагивали во сне.

В тусклом свете единственной лампочки она казалась совсем ребенком. Беззащитная, хрупкая... и бесконечно одинокая в этом огромном городе, который пытался её переварить.

Я посмотрел на свою куртку — грязную, вонючую. Потом на пальто, которое висело в углу. Оно было старым, но тяжелым и теплым. Я снял его. Брезгливость — это единственное, что во мне еще не убила улица. Я внимательно осмотрел вещь, вывернул её чистой, сатиновой подкладкой наружу.

Я подошел к ней. Дыхание перехватило. От неё пахло хозяйственным мылом и какими-то полевыми травами — наверное, шампунь из самых дешевых. Я осторожно накрыл её плечи пальто. Люда во сне чуть слышно вздохнула, но не проснулась, лишь сильнее прижалась щекой к своим ладоням.

В этот момент я задел её старую сумку, висевшую на спинке стула. Сумка была такой изношенной, что молния, видимо, давно разошлась. Она соскользнула на пол, и из неё веером высыпались бумаги, расческа и какая-то мелочь.

— Черт, — прошептал я, опускаясь на корточки.

Я собирал содержимое, стараясь не шуметь. Мой взгляд упал на плотную красную корочку, выпавшую из папки. Я взял её в руки.

«Диплом с отличием».

Я раскрыл его. Внутри, под печатью аграрного университета, значилось: «Новикова Людмила Сергеевна. Специальность: Бухгалтерский учет, анализ и аудит».

Рядом лежала трудовая книжка. Я не удержался — открыл и её. «Благодарность за внедрение системы оптимизации налогообложения... Благодарность за безупречное прохождение аудиторской проверки...»

Я смотрел на эти записи, и внутри меня закипала ярость. Не на неё — на этот мир. На этого придурка Сергея из её рассказов, который променял такое сокровище на Лариску в гараже. На Галю, которая заставляет экономиста с красным дипломом отдирать жир с плит.

Эта женщина не должна была мыть полы. Она должна была сидеть в стеклянном офисе, управлять потоками и диктовать условия.

Я аккуратно вложил диплом обратно в папку, а папку — в сумку. Мои руки дрожали, но теперь уже не от голода.

«Valensky Group» нуждалась в свежих мозгах. Мой отец всегда говорил: «Ищи таланты в грязи, там они самые живучие». Но я знал, что Люда никогда не примет от меня подачку. Она слишком гордая. Она скорее умрет от голода, чем согласится на милостыню от бродяги Руси.

Значит, мне нужно было действовать тоньше.

Я вернулся на свой матрас в углу, но сна не было ни в одном глазу. Я смотрел на спящую Люду, укрытую пальто, и в голове уже выстраивались графики и схемы.

— Ну что, Золушка, — тихо пробормотал я, — кажется, бал наступит для тебя гораздо раньше, чем ты думаешь. И туфельку тебе искать не придется. Я сам тебе её принесу. На золотом подносе.

Я знал, что завтра Максим будет смеяться, когда я свяжусь с ним через наши «каналы». Но мне было плевать. Впервые за годы в моем бизнесе появилось что-то по-настоящему личное. И это «личное» сейчас тихо посапывало в подсобке, не подозревая, что её жизнь только что развернулась на сто восемьдесят градусов.

Глава 8

Сырой холод подсобки впивался в кожу даже сквозь сон, но на моих плечах лежало нечто тяжелое, пахнущее колючей шерстью, ноябрьским ветром и — едва уловимо — чем-то очень чистым, почти благородным. Я открыла глаза, не сразу сообразив, где нахожусь. Над головой тускло светила голая лампочка, а перед глазами высились стеллажи с консервными банками.

Я резко села. Пальто, которым я была укрыта, соскользнуло на пол. Я узнала его сразу — старая, поношенная вещь Руси. Только сейчас я заметила, что он вывернул его подкладкой наружу, словно боялся испачкать меня уличной пылью.

Руся стоял у плитки. Его силуэт в полумраке казался массивным, почти пугающим. Он не обернулся, но я поняла, что он знает: я проснулась.

— Чай почти готов, — негромко произнес он. Его баритон мягко завибрировал в тесном пространстве, вытесняя остатки моего сна.

— Спасибо, — я поспешно подняла его пальто, стараясь не смотреть ему в лицо. — Я... я не хотела засыпать. Просто на секунду закрыла глаза, и...

— Тебе нужно было, — отрезал он. — Ты работала за двоих. Зоя сказала, что без тебя она бы до утра сидела с этими бумагами.

Я потянулась за своей сумкой, стоявшей на краю стола. В памяти всплыло, как Руся собирал мои вещи, когда я уронила её во сне. Я проверила замок — всё было на месте. Диплом, трудовая, остатки денег. Я еще не знала, что за эту ночь мой мир стал прозрачным для человека, которого я считала обычным бродягой.

И тут мой телефон, лежавший в кармане, зашелся в истеричном звонке. В этой утренней тишине звук показался оглушительным, как сирена. На экране высветилось: «Мама».

Я нажала на кнопку, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Алло? Мам?

— Люда! — из трубки ударил не голос, а поток рыданий. — Люда, господи, что же ты наделала! Как ты могла?

— Мама, что случилось? — я вскочила, сжимая телефон так, что побелели костяшки. — Успокойся, расскажи толком!

— Сергей... он в полицию ходил, Люда! — мама захлебывалась слезами. — Весь поселок говорит... Он сказал, что перед тем, как сбежать к своему городскому хахалю, ты выкрала деньги из его тайника в гараже! Пятьсот тысяч, Люда! Сказал, на свадьбу копил, на дом, а ты... ты его обобрала до нитки и скрылась!

Воздух в подсобке вдруг закончился. Я открыла рот, пытаюсь вдохнуть, но в легкие словно насыпали битого стекла. Пятьсот тысяч? У Сергея никогда не было таких денег, если только он не влез в очередные долги, которые теперь решил «списать» на меня.

— Это ложь, мама... — выдавила я, чувствуя, как по щекам ползут горячие, злые слезы. — Какая свадьба? Какие деньги? Я уехала с одной сумкой! У меня на ногах сапог скотчем заклеен, мама! Какие пятьсот тысяч?!

— Лариса... Лариса говорит, видела у тебя полный кошелек купюр, — мама всхлипнула. — Сказала, ты ей хвасталась, что в городе теперь королевой жить будешь. Люда, отец за сердце держится, на улицу выйти боится. Все пальцем тычут. Говорят, Новикова-то воровкой оказалась, за пять лет всё из парня высосала и сбежала. Верни, дочка! Отдай ему эти проклятые деньги, пусть подавится, только имя не позорь!

— Нет у меня никаких денег! — закричала я в трубку, срываясь на хрип. — Нет! Он всё врёт! Он изменил мне, мама! Он с Ларисой в гараже был, я их сама видела!

— Не ври на людей, Люда, — голос матери вдруг стал сухим и чужим. — Сергей сказал, ты это специально придумала, чтобы уйти красиво. Лариса — верная подруга, она его сейчас выхаживает, пока он с ума от твоего предательства сходит. Не звони мне больше, пока не одумаешься.

В трубке запищали короткие гудки. Я медленно опустила руку. Мир вокруг качался. Пять лет. Пять лет я была «хорошей Людой», «умницей», «бухгалтером Новиковой». И за одну ночь я превратилась в изменницу и воровку. Мой Сережа, мой «единственный», методично и хладнокровно заколачивал крышку гроба моей прошлой жизни.

Я закрыла лицо руками и завывала. Это не было красивым плачем героини из кино. Это был звук ломающегося хребта. Я осела на табурет, чувствуя, как отчаяние заливает меня, словно ледяная вода.

Вдруг передо мной появилась кружка. Старая, шербатая, с какими-то темными чайниками на дне.

— Пей, — голос Руси прозвучал над ухом — властно, почти приказным тоном.

— Уйди, — выдохнула я сквозь рыдания. — Оставь меня... Я воровка, Руся. Ты слышал? Я всё у него украла. Даже его совесть, которой у него никогда не было.

— Пей, я сказал, — он бесцеремонно всунул кружку мне в ладони, заставляя обхватить её пальцами. — Это не та бурда, что Галя заваривает. Это поможет.

Я сделала глоток, просто чтобы он отвязался. Чай был обжигающим, горьким, но с каким-то странным, изысканным послевкусием. Бергамот? Цедра? Откуда у него такие добавки? Но разбираться не было сил. Тепло разлилось по пищеводу, немного унимая дрожь в руках.

Руся присел на корточки напротив меня. В тусклом свете его глаза казались двумя бездонными колодцами, в которых отражалось что-то очень древнее и спокойное.

— Слезами ты имя не отмоешь, Люда, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — И Сергею своему ничего не докажешь. Такие, как он, понимают только один язык. Силу.

— Какая сила? — я всхлипнула, вытирая лицо краем рукава. — Я мою полы в «Уюте». У меня долг за комнату и пятьсот тысяч виртуального долга в Березовке. Я — никто.

— Ты — бухгалтер с красным дипломом, — Руся вдруг усмехнулся, и в этой усмешке промелькнуло что-то пугающе знакомое, хищное. — Я видел твои бумаги вчера, когда ты уронила сумку. И я видел, как ты за пять секунд нашла дыру в накладной молочника. Ты — мозги этого города, которые просто временно оказались в подсобке.

Он поднялся, достал из-под своего матраса обрывок какой-то финансовой газеты и огрызок карандаша.

— Писать будем. Резюме.

— Прямо здесь? На газете? — я посмотрела на него как на сумасшедшего. — Руся, кто меня возьмет? Я из деревни. У меня нет опыта в их новых программах...

— Диктуй, что умеешь, — он проигнорировал мой скепсис. — Только не про «учет палок колбасы». Давай по сути.

Я начала мямлить про первичную документацию, но Руся вдруг перебил меня.

— Пиши: «Консолидация отчетности по международным стандартам. Минимизация налоговых рисков. Опыт прохождения комплексных аудиторских проверок без замечаний».

Я замерла, карандаш застыл над бумагой.

— Откуда ты знаешь эти слова? Руся, это же... это высший пилотаж. Откуда у бомжа такие формулировки?

Он на мгновение замер, тень пробежала по его лицу.

— Я три года спал под кипами «Финансовых известий», Люда, — спокойно ответил он, глядя в сторону. — Укрывался ими в переулке. Читать было больше нечего, вот и выучил. Бумага-то хорошая, плотная. Хочешь жить — и не такое вызубришь.

Я посмотрела на него с подозрением, но деваться было некуда. Мы провели час, составляя текст. Он диктовал такие обороты, от которых у меня кружилась голова. «Внедрение ERP-систем», «управление дебиторской задолженностью». Когда мы закончили, на сером поле газеты красовался портрет не посудомойки, а финансового директора.

— Перепишешь это на чистый лист у Галины в офисе, — Руся сложил газету. — И завтра... нет, сегодня. Сегодня пойдешь по адресу.

Он выделил одну вакансию, обведенную жирным углем.

— «Valensky Group». Слышал вчера в очереди за супом, что у них там отдел расширяется. Ищут людей, у которых голова варит, а не тех, кто в Лондоне штаны протирал. Им результат нужен.

— Это же... это небоскреб из стекла и стали, — я сглотнула. — Меня туда даже на порог не пустят.

— Пустят, — Руся подошел ко мне совсем близко.

Он взял мою руку. Его ладонь была огромной, горячей и удивительно надежной. Он вложил мне в пальцы что-то круглое и тяжелое.

Я раскрыла ладонь. На ней лежала монета. Старая, затертая до такой степени, что рисунок почти стерся. Она казалась серой, покрытой слоем многолетней грязи.

— Это мой талисман, — Руся накрыл мою ладонь своей. — Нашел её в первый день на улице. С тех пор она меня бережет. Возьми её с собой на собеседование. Просто сожми в кулаке, когда станет страшно. Она... приносит удачу.

Я посмотрела на монету. В ней не было ничего ценного на первый взгляд — обычный старый кругляш. Но от неё исходило странное тепло. Или это было тепло его рук?

— Спасибо, Руся, — прошептала я.

— Иди, Золушка, — он мягко подтолкнул меня к выходу. — Твой «принц» в гараже еще пожалеет, что назвал тебя молью. Ты не моль. Ты — серебро. Просто немного потускневшее под этим небом.

Я вышла в зал кафе, чувствуя, как внутри, под ребрами, начинает ворочаться что-то забытое. Ярость. Но не та, что душит слезами, а та, что заставляет сжимать зубы и идти вперед.

Я не знала, что затертая монета в моем кармане — это редчайший коллекционный серебряный рубль царской чеканки, цена которого могла бы покрыть все мои долги трижды. Я не знала, что «Руся» только что надиктовал мне стратегию развития своего собственного холдинга.

Я просто шла мыть полы в последнюю смену, зная, что завтра я шагну в стеклянные двери «Valensky Group». Потому что у меня больше не было выбора. Либо я стану серебром, либо город окончательно превратит меня в пыль.

Глава 9

Сырой ветер выл в узком горле переулка, как побитый пес, перекатывая по асфальту пустые жестянки и обрывки промасленной бумаги. Я стоял в самой густой тени, прижавшись спиной к шершавому кирпичу стены кафе «Уют». От вытяжки несло пережаренным луком и какой-то несвежей рыбой, но этот запах стал для меня привычным, почти родным. Забавно, как быстро человеческий мозг адаптируется к помойке. Всего десять дней назад я морщил нос от аромата несвежего трюфеля в «Le Cristal», а теперь... теперь я просто радовался, что стою с подветренной стороны.

Мои руки зудели. Грязь, ставшая второй кожей, въелась в поры, под ногти, в самую суть. Но внутри, под этим слоем ветоши и копоты, я чувствовал себя странно живым. Словно с меня содрали не только дорогой костюм от Brioni, но и несколько слоев огрубевшей, мертвой души.

В конце переулка вспыхнули два ледяных глаза ксеноновых фар. Бесшумный, как хищник на охоте, в грязь переулка вкатился матовый «Бентли». Он выглядел здесь так же уместно, как бриллиантовое кольцо на шее портовой шлюхи.

Машина замерла в десяти шагах от меня. Стекло опустилось, и из салона вырвался поток тепла, смешанный с запахом дорогой кожи и парфюма с нотами сандала. Максим. Мой лучший друг, мой вечный соперник и единственный свидетель моего безумия.

— Матерь божья... — Макс не вышел из машины. Он замер, вцепившись в руль, и смотрел на меня так, словно я только что восстал из могилы. — Рус, это... это ты?

Я отделился от стены и подошел ближе. Свет фар выхватил мои обноски, грязный капюшон и щетину, которая превратилась в полноценную бороду бродяги.

— Нет, Макс, это призрак коммунизма. Дверь открой, — мой голос прозвучал хрипло. Слишком много молчания и холодного воздуха.

Щелкнул замок. Я сел на переднее сиденье, намеренно небрежно бросив на светлую кожу кресла кусок старой газеты, который прихватил из подсобки. Макс поморщился, его кадык дернулся.

— Рус, ты воняешь... — он осекся, увидев мой взгляд. — Прости. Я просто не думал, что «Взгляд со дна» работает настолько... буквально. Ты выглядишь как человек, который не просто упал на дно, а решил там обустроиться и завести огород.

— Меньше слов, Макс. У нас мало времени, — я достал из внутреннего кармана куртки аккуратно сложенный листок. Тот самый, который мы с Людой «сочиняли» утром. — Вот. Завтра в девять утра это должно лежать на столе у HR-директора холдинга. Лично. С твоей пометкой «рассмотреть в приоритете».

Максим взял бумагу двумя пальцами, словно она была пропитана сибирской язвой. Глянул на кривые строчки, написанные огрызком карандаша на обороте финансовой ведомости.

— Людмила Новикова? — Макс вскинул бровь. — Это та самая... Золушка из подсобки? Рус, ты серьезно? Ты просишь меня пропихнуть в «Valensky Group» посудомойку? Ты понимаешь, что твой отец, если узнает, устроит публичную казнь? И мне, и тебе, и этой твоей Люде.

Я перехватил его запястье. Сильно. Так, чтобы он почувствовал — под грязным рукавом всё еще железные мышцы и воля, которая не сломалась.

— Она не посудомойка, Макс. Она — финансовый гений, который заперт в теле деревенской девчонки. Она нашла дыру в отчетности нашего поставщика молока за пять секунд. Пять секунд, понимаешь? Твои аналитики из Сити жевали бы этот отчет неделю.

— Хорошо, хорошо, — Макс высвободил руку, потирая покрасневшую кожу. — Я сделаю. Но ты же понимаешь, что она не пройдет СБ? У неё прописки нет, опыта в Москве нет, зато есть уголовка в перспективе за «кражу пятисот тысяч» в своей деревне. Ты же сам сказал, что её подставили.

— Именно поэтому она должна пройти честно, — я посмотрел в лобовое стекло, где на дорогом капоте таяли снежинки. — СБ получит команду «не копать». Тестирование — по всей строгости. Если она не вытянет задачи, я не буду её тащить. Но она вытянет. У неё глаза горят так, как у нас с тобой в двадцать лет не горели. Ей нужно выжить, Макс. А это лучший стимул в бизнесе.

Максим вздохнул, убирая листок в бардачок. Достал золотую зажигалку, щелкнул. Салон наполнился запахом дорогого табака.

— Ладно. Допустим, её возьмут. Как ты собираешься это разруливать дальше? Ты — «Руся», который спит на матрасе у швабр. И ты же — Руслан Валенский, вице-президент, который завтра должен официально «вернуться из Лондона». Ты хоть понимаешь, что город тесен? Если она увидит тебя в костюме...

— Она меня не увидит, — я откинулся на подголовник, закрыв глаза. — Официальная легенда для офиса: я руковожу удаленно. Закрытый кабинет, видеосвязь с фильтрами, или вообще работа через доверенных лиц. Скажем, что я прохожу реабилитацию после аварии или просто придерживаюсь «западного стиля конфиденциальности». Никто в холдинге не знает меня в лицо — я уехал в Лондон в девятнадцать, а на сайте висят только старые фото, где я еще с длинными волосами и на десять килограмм легче.

— Ты сумасшедший, — Максим покачал головой. — Ты строишь карточный домик на болоте. Зачем тебе это, Рус? Пари? Ты уже доказал, что можешь спать на картоне. Нажми кнопку, вернись. Мы скажем, что ты победил.

Я открыл глаза. В зеркале заднего вида отражался человек с диким оскалом.

— Это уже не про пари, Макс. Это про... справедливость, наверное. Она считает меня никем. Она кормит меня своими пирожками, отдавая последнее. Она — единственный человек за последние десять лет, который посмотрел на меня и не увидел там ценник. Я хочу дать ей шанс. Хочу увидеть, как она раздавит этого своего Сергея, когда станет сильнее его в тысячу раз.

Максим долго молчал. Потом вдруг полез в карман пальто и вытащил плитку дорогого швейцарского шоколада с фундуком.

— Возьми. Хоть поешь по-человечески.

Я посмотрел на золотистую обертку. Аромат какао ударил в нос, рот мгновенно наполнился слюной. Желудок отозвался болезненным спазмом. Господи, как же я хотел этот шоколад.

Но я покачал головой.

— Нет. Руся не ест такой шоколад. Если Люда учует запах — вся легенда к черту. У неё нюх, как у ищейки.

Я открыл дверь машины. Холодный воздух переулка снова обдал меня запахом сырости.

— Рус! — окликнул Макс, когда я уже стоял на асфальте. — Будь осторожен. Отец... он вчера спрашивал о тебе. Старик начинает подозревать, что твой «отпуск в Шотландии» — это липа. Он нанял частного, чтобы тебя нашли. Если он узнает, что ты тут играешь в Робин Гуда с полумойками... он уничтожит её просто для того, чтобы тебя проучить. Ты же знаешь Андрея Валенского. Он не терпит мезальянсов и «грязных» историй.

— Знаю, — я не оборачиваясь, махнул рукой. — Именно поэтому она должна стать лучшей. Такой, чтобы даже отец не смог к ней придраться.

Машина бесшумно тронулась и исчезла за углом, оставив меня в звенящей тишине переулка. Я постоял минуту, вдыхая остатки чужой роскоши, а потом решительно шагнул к служебному входу.

В подсобке было тихо. Люда спала на своем матрасе, свернувшись калачиком. Её дыхание было ровным, но во сне она чуть нахмурилась, словно видела что-то неприятное. На столе лежала та самая кружка, из которой она поила меня чаем.

Я подошел к ней. Осторожно, боясь разбудить, поправил её пальто, которое сползло на пол. Моя рука на мгновение замерла в сантиметре от её волос. Мне хотелось коснуться их — просто проверить, такие ли они мягкие, как кажутся.

Но я отдернул руку.

Завтра начнется война. Она пойдет в мой замок из стекла и стали, сжимая в кулаке мою старую затертую монету, веря в удачу. А я буду сидеть в тени, дергать за ниточки и молиться, чтобы она оказалась достаточно сильной, чтобы вынести правду, когда она вскрыется.

Потому что на дне всё честно. А наверху... наверху даже любовь пахнет большими деньгами и ложью.

Я лег на свой матрас, уставившись в потолок. Перед глазами стояло лицо Люды — то, как она смотрела на меня, когда давала монету.

«Серебро под слоем копоты», — повторил я её слова.

Мы оба были под слоем копоты. Но завтра мы начнем чиститься. Чего бы нам обоим это ни стоило.

Глава 10

Клейкая лента ложилась на подошву почти бесшумно, если не считать противного, сухого треска, который в утренней тишине каморки казался грохотом обвала. Я тщательно, миллиметр за миллиметром, перекрывала вчерашние слои свежим глянцевым скотчем. Это был мой ритуал. Мой доспех. Мое маленькое, позорное вранье городу, который признавал только безупречность.

Я выпрямилась, чувствуя, как затекла спина. На столе, рядом с покосившейся лампой, лежала моя винная шелковая блузка — единственная вещь, сохранившая дух той Людмилы Новиковой, которая когда-то мечтала о тихом семейном счастье в Березовке. Теперь эта блузка должна была стать моей боевой раскраской.

— Ну что, Люда, — прошептала я, глядя на свое отражение в мутном зеркале шкафа. — Либо ты сегодня докажешь, что твои мозги чего-то стоят, либо завтра Раиса Ивановна выставит тебя за дверь вместе с твоим красным дипломом.

Я сунула руку в карман старого серого пальто и наткнулась на монету. Ту самую, которую вчера вложил в мою ладонь Руся. Металл был холодным, затертым и удивительно тяжелым. Я вытащила её на свет. Обычный серый кругляш, на котором едва угадывались контуры какого-то профиля, забитые многолетней грязью. Бродяжья удача. Но, сжимая её, я чувствовала странное, почти физическое тепло. Словно за спиной встал кто-то большой и сильный, закрывая меня от ветра.

Холдинг «Valensky Group» не просто возвышался над деловым центром — он доминировал. Башня из синего стекла и титана пронзала низкое свинцовое небо, словно указующий перст бога капитализма. Вращающиеся двери глотали людей в дорогих пальто и выплевывали их обратно, уже переработанных офисной машиной.

Я остановилась перед входом, чувствуя себя песчинкой у подножия ледника. У меня подрагивали колени, а ладонь в кармане до боли сжимала монету.

«Иди, Золушка», — эхом отозвался в голове голос Руси. И я пошла.

Вестибюль встретил меня стерильным холодом кондиционеров и запахом, который я теперь знала безошибочно — запахом очень больших денег. Здесь даже тишина была дорогой. Девушки на ресепшене походили на фарфоровых кукол: безупречные прически, одинаковые улыбки, взгляды, отфильтровывающие «своих» от «чужих» еще на подлете.

— К Маргарите Степановне, — выдавила я, стараясь не смотреть на их безукоризненные туфли. Мой заклеенный сапог казался мне сейчас размером с чемодан.

— Десятый этаж, департамент человеческих ресурсов, — отозвалась одна из кукол, даже не взглянув на мое лицо. Её интересовал только мой пропуск.

Лифт поднял меня наверх так плавно, что я почувствовала это лишь по легкому закладыванию ушей. Приемная департамента кадров была заполнена людьми. Я села на край дизайнерского кресла, стараясь занимать как можно меньше места.

Справа от меня двое парней в идеально сидящих костюмах небрежно обсуждали свою стажировку в Лондоне.

— Слушай, а ты слышал, что Валенский-младший вернулся? Говорят, сидит в закрытом блоке, никого не принимает. Отец его якобы готовит к какому-то мега-слиянию.

— Да, мутный тип. Но хватка, говорят, как у бульдога.

Я слушала их, и мой «красный» диплом в сумке казался мне детской раскраской. Что я здесь делаю? Бухгалтер из сельпо против акул с международным образованием?

Я сжала монету в кулаке так сильно, что её ребро впилося в кожу. «Серебро под слоем копоты». Слова Руси прозвучали как заклинание. Я не молю. Я специалист. И я не позволю им увидеть мой скотч на подошве.

— Новикова Людмила Сергеевна? Проходите.

Кабинет Маргариты Степановны был похож на операционную. Ничего лишнего, только сталь, стекло и женщина, чье лицо напоминало отточенный скальпель. Маргарита Степановна не улыбалась. Она смотрела на мое резюме, перепечатанное на чистых листах в офисе Галины Петровны, и в её взгляде читался холодный скепсис.

— Итак, Людмила... Сергеевна, — начала она, выделяя отчество так, словно оно было лишним. — Аграрный университет. Березовка. Вы понимаете, куда вы пришли? Мы — холдинг мирового уровня. У нас в отделе аудита работают люди, которые знают налоговый кодекс наизусть на трех языках. Чем вы собираетесь меня удивить? Своим умением считать мешки с овсом?

В её голосе было столько яда, что на мгновение мне захотелось просто встать и уйти. Но я вспомнила Сергея. Вспомнила его слова о том, что я «никому не нужна». Вспомнила пятьсот тысяч виртуального долга, который он на меня повесил.

Я выпрямилась. Страх вдруг сменился холодной, прозрачной яростью.

— Я умею видеть то, чего не видят ваши «лондонские» мальчики, — спокойно ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Потому что там, где ресурсов в обрез, цена ошибки — это жизнь предприятия, а не просто бонус в конце квартала. Вы спрашиваете про овес? Хорошо. Давайте поговорим о минимизации издержек в условиях дефицита ликвидности. Или о том, как консолидировать отчетность филиалов, когда у тебя половина первички написана «на коленке», но при этом налоговая проверка не находит ни одного нарушения.

Маргарита Степановна прищурилась. Она начала задавать вопросы. Сложные, каверзные, со скрытыми ловушками. Она гоняла меня по проводкам, по ПБУ, по международным стандартам. А я отвечала. Я использовала те самые формулировки, которые диктовал мне Руся под тусклой лампочкой подсобки. «Оптимизация дебиторской задолженности», «хеджирование рисков», «трансфертное ценообразование».

Я говорила, и слова сами складывались в безупречные логические цепи. Это был мой танец на лезвии бритвы.

Через сорок минут Маргарита Степановна замолчала. Она долго смотрела на меня, постукивая дорогой ручкой по столу. Затем отложила моё резюме в сторону.

— У вас... странная манера подачи материала, Людмила. Словно вас готовил человек из «старой гвардии» министерства финансов, но при этом с хваткой современного рейдера. Откуда у вас эти формулировки?

— В газетах вычитала, которыми укрывалась, — чуть не ляпнула я, но вовремя прикусила язык. — Много занималась самообразованием.

Маргарита встала.

— Знаете, Людмила, у нас обычно не берут людей с «улицы» без московского опыта. Но у вас такой взгляд... Словно вам нечего терять. Нам сейчас нужны именно такие. Люди, которые будут вгрызаться в цифры, потому что за ними стоит их жизнь. Мы берем вас на испытательный срок. Младший аналитик в департамент внутреннего аудита. Оклад...

Она назвала цифру, от которой у меня на мгновение потемнело в глазах. Это было больше, чем я зарабатывала в Березовке за два года.

— Выходите в понедельник. И... Людмила? — она впервые посмотрела на мои ноги, скрытые под столом. — Купите себе новые туфли. Здесь не любят звук скотча.

Мое сердце пропустило удар. Она знала. Она всё видела с самого начала. Но всё равно взяла меня.

Я вылетела из офиса на крыльях. Город больше не казался враждебным монстром — теперь он был моим игровым полем. Я неслась по улице, не замечая ветра, сжимая в кармане свою «счастливую» монету.

Я не пошла праздновать в кафе. Я не позвонила маме — знала, что она снова начнет причитать про Сергея. У меня был только один человек в этом огромном городе, который верил в меня.

Я залетела в переулочек у кафе «Уют» через черный вход, чуть не сбив с ног Зою-повара.

— Новикова, ты че, с цепи сорвалась? — крикнула она мне вслед, но я уже не слышала.

Руся стоял у мусорных контейнеров. Он пытался оттереть руки какой-то ветошью, его капюшон был накинута на голову, а фигура казалась еще более сгорбленной и жалкой, чем обычно.

— Руся! — закричала я, бросаясь к нему.

Он обернулся, и я, не помня себя от восторга, буквально влетела в него, обхватив руками за шею.

— Меня взяли! Руся, меня взяли! «Valensky Group»! Испытательный срок! Я теперь аналитик!

Я прижалась к нему, не чувствуя ни запаха грязи, ни грубой ткани его куртки. Я чувствовала только огромную, бьющую через край радость.

Руслан замер. Его тело под моими руками стало каменным. Я почувствовала, как он перестал дышать. Его руки, огромные и тяжелые, застыли в воздухе, словно он боялся даже прикоснуться ко мне, чтобы не разрушить этот момент... или чтобы не выдать себя.

Я отстранилась, глядя в его глаза. Под капюшоном, в полумраке, я увидела, как расширились его зрачки. В его взгляде было столько всего: и облегчение, и какая-то странная, болезненная нежность, и... страх.

— Ты победила, Золушка, — хрипло произнес он. Его голос дрогнул. — Я же говорил... серебро под копотью.

— Это твоя монета, Руся! — я вытащила кругляш и поцеловала его. — Она принесла удачу! Спасибо тебе. Если бы не ты, я бы даже не рискнула туда войти.

Я снова обняла его, уткнувшись лбом в его плечо. И в этот момент я почувствовала, как под грязной, рваной курткой бешено, почти конвульсивно колотится сердце. Оно стучало так громко, что отдавалось в моей собственной груди. Это не было сердце «бомжа Руси». Это было сердце мужчины, который только что совершил невозможное — подарил человеку жизнь, оставаясь при этом в тени.

Я подняла голову, и на мгновение нам обоим показалось, что время остановилось. Весь этот город, все эти небоскребы и долги — всё исчезло. Остались только мы двое в грязном переулочке.

— Теперь ты будешь жить, Люда, — прошептал он, и его рука всё же коснулась моей спины. Коротко, почти невесомо. — По-настоящему.

Я не знала, что в этот момент Руслан Валенский подписал себе смертный приговор как «бродяге Русе». Потому что теперь он был связан со мной гораздо сильнее, чем любым пари. И я не знала, что уже в понедельник я увижу его снова. Но только тогда между нами будет не грязная куртка, а стол из красного дерева и пропасть в миллионы долларов.

Глава11(Руслан)

(от лица Руслана)

Сырой предрассветный туман лип к лицу, как холодная марля. В пять утра промзона выглядела декорацией к фильму об апокалипсисе: ржавые остовы старых ангаров, редкие пятна тусклых фонарей и тишина, от которой закладывало уши. Я выбрался из подсобки кафе «Уют» максимально бесшумно, стараясь не задеть пустые жестяные банки. Люда спала за стеллажом — я слышал её ровное, глубокое дыхание. Она вымоталась вчера после своего триумфа, и я хотел, чтобы она поспала лишние полчаса в этом относительном тепле.

Моё тело ныло. Спина горела после вчерашней битвы со льдом на крыльце, а ноги в тяжелых сапогах казались чужими. Я шел к заброшенному гаражному кооперативу через два квартала, сутулясь и пряча лицо в капюшон. Там, в боксе номер сорок два, меня ждал мой пропуск в другую жизнь.

Максим не подвел. Внутри гаража, среди запаха старого масла и пыли, хищно поблескивал черный тонированный внедорожник. На водительском сиденье лежал неприметный спортивный рюкзак.

Я заперся внутри, содрал с себя вонючее тряпье — эти лохмотья «Руси», которые уже начали прорастать в мою кожу — и на мгновение замер. Холодный воздух гаража кусал голое тело, но это было ничто по сравнению с тем омерзением, которое я испытывал к собственной маскировке. Через десять минут из гаража вышел другой человек. В черном худи с накиннутым капюшоном, в чистых джинсах. Я сел за руль, и знакомый рокот мощного двигателя вернул мне ощущение контроля.

Пентхаус встретил меня стерильной, почти вызывающей роскошью. Панорамные окна в пол, за которыми Москва расправляла свои серые крылья, белизна мрамора и тишина, прерываемая лишь мягким гулом системы климат-контроля.

Я зашел в душ. Горячая вода — настоящий рай после недели умывания в шербатой раковине кафе. Я тер кожу жесткой мочалкой так, словно пытался содрать не только грязь, но и воспоминания о том, как я ел пирожки на мусорном баке. Но грязь под ногтями и мозоли на ладонях не уходили.

Я вышел из ванной, завернутый в белоснежное полотенце, и остановился перед зеркалом. Взгляд. Вот что изменилось. Исчезла холеная ленивая скука. Глаза Руси — настороженные, злые и живые — теперь смотрели на меня из лица миллионера Руслана Валенского.

— Ну что, Рус, — прошептал я своему отражению. — Пора в логово.

Я выбрал рубашку из плотного египетского хлопка с длинными манжетами и тяжелые платиновые запонки. Нужно было скрыть руки. Кожа на пальцах была иссушена «Белизной», а на ладони алел свежий порез от лома. Я тщательно втер дорогой регенерирующий крем, который стоил больше, чем вся касса «Уюта» за неделю, но он лишь подчеркнул глубину трещин. Натянув пиджак, я почувствовал, как доспех бизнеса привычно облегает плечи. Но внутри под ним всё еще жил «сторож Руся».

Личный лифт доставил меня на сорок пятый этаж холдинга «Valensky Group» минуя общий холл. Официально я вернулся из Лондона два дня назад, но пока оставался для персонала мифом. «Лондонский призрак», как уже успели прозвать меня в курилках.

В моем кабинете пахло кофе и свежей прессой. На столе — идеальный порядок, нарушаемый лишь стопкой папок, требующих немедленной подписи.

— Руслан Андреевич, — в кабинет бесшумно скользнула Полина, моя секретарь. — С возвращением. Кофе?

Она смотрела на меня с легким замешательством. Полина работала со мной три года, и она была единственной, кто мог заметить разницу.

— Да, Полина. Черный, без сахара. И пригласите ко мне начальника департамента аудита. Сейчас же.

— Но у него совещание...

— Полина, — я поднял на неё взгляд. Холодный, вице-президентский. — Вы меня не слышали?

Она вздрогнула и кивнула. Через десять минут в кабинете уже потел Аркадий Борисович, мужчина лет пятидесяти, привыкший, что «молодые мажоры» обычно не лезут в его дела.

— Руслан Андреевич, отчет по молочному комбинату готов, мы...

— Ваш отчет — мусор, Аркадий Борисович, — я швырнул папку через стол. — Вы пропустили двойную ставку НДС в четвертой позиции и не заметили манипуляции с коэффициентом жирности. Три с половиной тысячи на каждой поставке. В месяц это миллион убытков. Вы чем там занимаетесь? Пьете смузи?

Аркадий побледнел. Он смотрел на меня так, словно я только что заговорил на древне-арамейском.

— Но... мы проверяли...

— Плохо проверяли. Свободны. Чтобы к вечеру у меня был пересмотренный план аудита по всем поставщикам.

Я отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Когда дверь за ним закрылась, я тяжело опустился в кресло. Сердце колотилось. Эти цифры... я узнал их вчера из уст посудомойки. Люда, не зная того, заставила меня перетряхнуть весь департамент.

Я подошел к монитору, на который выводились камеры общего рабочего пространства. Пару кликов — и я нашел десятый этаж. Опен-спейс аналитиков.

Она была там.

Маленькая фигурка в винной блузке за столом в самом углу, рядом с проходом. Люда сидела прямо, вцепившись в клавиатуру, словно это был штурвал тонущего корабля. Она казалась такой хрупкой среди этих серых перегородок, среди хищных, уверенных в себе сотрудников, которые смотрели на неё как на досадное недоразумение.

Моя Люда. Моя «Золушка» в мире стеклянных джунглей.

Мне захотелось бросить всё. Спуститься туда, подойти к ней, разогнать этих надутых индюков и сказать ей: «Ничего не бойся. Я рядом». Но вместо этого я просто коснулся пальцем экрана, обводя контур её лица.

— Держись, — прошептал я. — Просто держись.

В дверь снова постучали. Это была Маргарита из HR. Она положила на стол финальный приказ о зачислении на испытательный срок.

— Это та самая девушка, про которую просил Аксенов, — Маргарита внимательно наблюдала за моей реакцией. — Редкий самородок, Руслан Андреевич. Но... вы уверены? У неё нет опыта в Москве, и биография... сложная.

— Я уверен, Маргарита Степановна, — я взял перьевую ручку.

Лист бумаги лежал передо мной. «Приказ №412. О приеме на работу Новиковой Людмилы Сергеевны».

Я занес перо над строчкой «Утверждаю». Мои пальцы, еще хранившие шероховатость черенка швабры, вдруг предательски дрогнули. Мелкая, почти незаметная дрожь. В этой подписи была вся моя двойная жизнь.

Если я подпишу — я окончательно втяну её в свой мир. В мир, где её могут уничтожить просто потому, что она близка ко мне. Где мой отец, если узнает о моем «эксперименте», не оставит от неё камня на камне.

Но если я не подпишу — она вернется к Раисе Ивановне и к Сергею, который уже объявил на неё охоту.

Я сжал ручку до белизны в костяшках и поставил размашистую подпись. Чернила впитались в бумагу, как кровь.

— Она будет работать в группе внутреннего аудита, — сказал я, не глядя на Маргариту. — Лично контролируйте её адаптацию. Любые конфликты — сразу ко мне. Но не напрямую. Через Аксенова. Никто не должен знать, что я ею интересуюсь.

— Понимаю, — Маргарита забрала папку. — Она уже на месте. Выглядит... напуганной.

— Она справится, — отрезал я.

Когда она ушла, я посмотрел на свои ладони. Мозоли никуда не делись. Я был её боссом. Тем самым «самодуром и бабником», о котором уже шептались в офисе. Человеком, который держит в руках её будущее. А через пять часов я снова надену грязную куртку, натяну капюшон и буду ждать её у черного входа, надеясь, что она снова угостит меня чаем.

Эта раздвоенность разрывала меня на части. Я чувствовал себя кукловодом, который влюбился в собственную марионетку, понимая, что каждая нить, которую я дергаю, причиняет ей боль или дарит надежду, о которой она не просила.

Я снова посмотрел на монитор. Люда склонилась над какими-то бумагами, и прядь её светлых волос упала на лицо. Она заправила её за ухо — жест, который я видел сотни раз в подсобке.

— Мы еще повоюем, Люда Новикова, — сказал я тишине пустого кабинета. — Мы еще посмотрим, кто из нас двоих настоящий «хищник».

Я нажал кнопку селектора.

— Полина, соедините меня с Лондоном. И закажите доставку цветов. Анонимно. В департамент аудита, стол номер двенадцать.

Я осекся. Цветы? Слишком рано. Это вызовет подозрения.

— Отмена, Полина. Цветы не нужны. Закажите в отдел аудита лучший кофе и ланчи из ресторана. Скажите — «комплимент от руководства за продуктивное начало недели». Всем. Чтобы она не выделялась.

Я снова стал вице-президентом. Но на моем столе всё еще лежала старая затертая монета, которую я незаметно забрал из кармана куртки. Мой талисман. Моя единственная связь с реальностью, где меня любят просто так. За пирожок. За то, что я есть.

Глава 12

Новые туфли оказались предателями. Я купила их вчера в дисконт-центре на самой окраине, выудив из корзины с надписью «Последний размер». С виду — классические лодочки, строгие, как школьный устав, но внутри они скрывали настоящие испанские сапожки для пыток. Искусственная кожа немилосердно жала в подъеме, а жесткий задник при каждом шаге вгрызался в пятку, напоминая, что за право называться «младшим аналитиком» нужно платить кровью. В буквальном смысле.

Я поднялась на десятый этаж, стараясь не хромать. Стекланный лифт «Valensky Group» взмывал вверх так плавно, что внутренности на мгновение замирали в невесомости. За прозрачной стеной проплывали этажи: бесконечные ряды столов, перегородки, копошащиеся люди. Город за окном казался огромной серой картой, и я, Людмила Новикова из Березовки, теперь была маленькой точкой на этой карте. Точкой, которая очень старалась не стереться.

Десятый этаж встретил меня тихим гулом серверных и запахом дорогого кофе. Мой стол под номером двенадцать находился в самом конце огромного зала, у панорамного окна, которое выходило на крышу соседнего здания.

— Ну что, прижилась, новенькая? — раздался над ухом звонкий, как удар хлыста, голос.

Я вздрогнула и обернулась. Кристина, неофициальный лидер нашей группы, стояла, прислонившись к перегородке. На ней был безупречный белый жакет, а на губах — помада цвета спелой вишни, которая идеально сочеталась с её хищным взглядом. Рядом замерли Вика и Алина — её бессменная свита, две тени в модных пиджаках, которые смотрели на меня так, словно я была пятном кофе на их белоснежных коврах.

— Приживаюсь, — ответила я, открывая ноутбук.

— Вижу-вижу, — Кристина окинула взглядом мою винную блузку. — Стиль «ретро-шик»? Или это наследство от бабушки-главбуха? Маргарита Степановна, конечно, любит самородков, но здесь у нас не курсы кройки и шитья. Здесь зубы нужны, Новикова. И вкус.

Вика и Алина синхронно прыснули в кулаки. Я почувствовала, как лицо начинает гореть, но промолчала. В Березовке я бы нашла, что ответить, но здесь слова застревали в горле. Эти девушки пахли парфюмом, цена которого равнялась моей месячной аренде у Раисы Ивановны.

Кристина с грохотом положила на мой стол пухлую папку с архивными документами.

— Развлекайся. Это база за последние три года. Нужно вручную проверить на предмет удвоения счетов. Программа иногда сбоит, а нам нужен идеальный аудит перед совещанием. К вечеру закончишь — получишь печенку.

— Это же недели две работы, — пробормотала я, листая пожелтевшие листы.

— А ты не жалуйся. Ты же у нас «самородок». Вот и докажи, что твой красный диплом не в переходе куплен.

Они ушли, оставив после себя шлейф тяжелого цветочного аромата. Весь день я не поднимала головы от бумаг. Цифры прыгали перед глазами, сливаясь в бесконечную серую кашу. Счета, проводки, даты... Я чувствовала, как город высасывает из меня остатки сил, превращая в один из этих офисных механизмов.

В обед я решила дойти до кухни — крошечного оазиса с кофемашиной и панорамным видом. Там уже обосновались Кристина и Вика. Они стояли ко мне спиной, не замечая моего появления за шумом кофемолки.

— Слышала, «Призрак» сегодня опять в ударе? — Кристина помешивала сахар в чашке. — Аркадий Борисович из своего кабинета вылетел как ошпаренный. Говорят, Валенский-младший его за какую-то мелочь в отчетах размазал.

— Ой, я его боюсь, — Вика передернула плечами. — Говорят, он настоящий социопат. Три года в Лондоне сидел, ни одного фото в прессе. Наверняка там либо шрамы на всё лицо, либо характер такой, что люди в обморок падают.

— Бабник он, Вик. Просто очень осторожный. В Лондоне небось гаремы менял каждые выходные, а теперь здесь строит из себя ледяного короля. Самодур обыкновенный. Деньги есть — ума не надо. Слава богу, мы на десятом, он к нам не спускается. Его даже секретари боятся.

Я осторожно налила себе воды и боком вышла из кухни. Руслан Валенский. Сын хозяина империи. Имя, которое произносили здесь либо шепотом, либо с дрожью в голосе. В моем представлении он рисовался таким зажавшимся мажором, который никогда в жизни не держал в руках ничего тяжелее бокала шампанского. Человек-функция. Стекланный монстр в стеклянном замке.

«Слава богу, я для него — пустое место», — подумала я, возвращаясь к своему архиву.

Около двух часов дня в отдел зашел курьер в фирменной одежде дорогого ресторана. Он катил тележку, на которой дымились ланч-боксы, источая ароматы розмарина, печеного мяса и чего-то изысканно-пряного.

— Всем добрый день! — громко объявил он. — Комплимент от руководства за продуктивное начало недели. Прошу к столу.

Офис мгновенно ожил. Кристина первая подлетела к тележке, удивленно вскинув брови.

— Надо же, Валенский подобрел? Или это Маргарита Степановна выбила бюджет на подкормку персонала?

Мне тоже достался контейнер. Внутри оказалась нежная утиная грудка с ягодным соусом и крошечные овощи-гриль. Кофе в картонном стакане пах так, что у меня закружилась голова. В Березовке за такие деньги можно было накрыть стол на всю свадьбу. Я ела, и каждый кусок казался мне странным. Здесь даже доброта руководства была какой-то... обезличенной. Как будто нас просто смазывали маслом, чтобы шестеренки крутились быстрее.

Я вспомнила Зою, которая сунула мне пирожки со словами: «Ешь, доходяга». Там была жизнь. А здесь — только «комплимент от руководства».

Вечер опустился на город незаметно. Стекло офиса стало темным зеркалом, в котором отражались ряды ламп и мое бледное лицо. Кристина и остальные ушли ровно в шесть, бросив на меня насмешливые взгляды — я всё еще копалась в архивах.

К восьми вечера в базе за второй год я нашла то, что искала. Две проводки на огромные суммы, которые дублировали друг друга с разницей в три дня. Ошибка была завуалирована, спрятана в глубине субсчетов. «Акулы» её просмотрели, а я — «моль из Березовки» — нашла.

Я закрыла папку. Спина не разгибалась, туфли, казалось, стали частью моих ступней. Выходя из здания, я окунулась в ледяной ноябрьский ветер. Небоскреб «Valensky Group» светился за моей спиной, как маяк для тех, кто продал душу за мягкое кресло.

Я добиралась до кафе «Уют» почти час. Город давил шумом, огнями, равнодушием. Но как только я свернула в знакомый переулок, где пахло хлебом и старым асфальтом, мне стало легче.

Черный вход кафе встретил меня привычным лязгом. Внутри было тепло и полутемно. Галина Петровна уже ушла, оставив за старшего Руслана.

Я зашла в подсобку и буквально рухнула на табурет.

— Господи, — выдохнула я, скидывая эти проклятые туфли прямо на пол. — Мои ноги... Кажется, они умерли еще в обед.

Руслан стоял у плитки. Он обернулся, и я увидела, что он уже заварил чай. На столе стояла та самая щербатая кружка, от которой шел густой пар с ароматом бергамота.

— Тяжело? — спросил он. Его голос в этой тишине казался самым приятным звуком во Вселенной.

— Тяжело, Руся. Не физически... хотя туфли — это отдельный круг ада. Там люди... они как роботы. Красивые, дорогие роботы, которые готовы сожрать тебя за то, что ты не того цвета или не так пахнешь.

Я обхватила кружку ладонями, грея озябшие пальцы. Руслан сел напротив, на край ящика. Он молчал, внимательно глядя на меня. В его глазах отражался огонек плитки, и мне на мгновение показалось, что я вижу в них не просто сочувствие бродяги, а что-то бесконечно глубокое.

— Я сегодня слышала про своего босса, — продолжила я, делая глоток. — Руслан Валенский. Миллиардер, вице-президент... В офисе его называют «Призраком». Говорят, он самодур, бабник и у него нет сердца. Сидит в своем кабинете на сорок пятом этаже и правит миром, как какой-то темный властелин.

Я горько усмехнулась.

— Знаешь, Руся, я весь день об этом думала. У него есть всё: вертолеты, счета в Швейцарии, люди, которые падают ниц при его появлении. Но он, наверное, самый несчастный человек на свете.

Руслан замер. Я заметила, как у него на шее дернулся кадык, а челюсти плотно сжались.

— С чего ты взяла? — его голос прозвучал странно — глухо и резко, как будто ему стало трудно дышать.

— Потому что у него нет души, Руся. Он живет в этой своей стеклянной банке, окруженный лизоблюдами и стервами вроде моей коллеги Кристины. Он не знает, что такое просто сидеть вот так, в подсобке, и пить чай с другом. Он не знает, каков на вкус пирожок, подаренный от сердца, а не по приказу корпоративной этики. Его жизнь — это сухие цифры и ложь. Мне его даже жалко. Честно. Столько власти — и никакой свободы.

Я подняла на него глаза, полные искреннего, глубокого сострадания.

— Не то что нам с тобой. У нас ни черта нет, мы моем полы и спим на матрасах... Но мы настоящие. Мы чувствуем холод, мы чувствуем боль, мы умеем жалеть. А он... он просто функция в дорогом костюме. Пустота в золотой обертке.

В подсобке повисла такая тишина, что я слышала, как за стеной капает вода в раковине. Руслан смотрел на меня, и в его взгляде была такая буря эмоций, что мне стало не по себе. Он резко отвел глаза, его плечи напряглись, а пальцы, сжимавшие край ящика, побелели.

— Думаешь, он выбрал это? — спросил он, не глядя на меня. — Думаешь, легко быть «функцией», когда от каждого твоего слова зависят тысячи жизней?

— Я не знаю, Руся. Я просто вижу, что деньги делают с людьми. Они превращают их в лед. А я не хочу быть льдом. Даже если мне придется до конца жизни заклеивать сапоги скотчем.

Я допила чай и поднялась.

— Пойду я. Раиса Ивановна опять будет ворчать, что я воду в душе трачу после полуночи. Спасибо за чай, Руся. С тобой... с тобой я снова чувствую себя человеком.

Я надела свои старые, удобные кроссовки, оставив парадные туфли под столом.

— Увидимся завтра. И... не грусти. Ты лучше любого Валенского, помни об этом.

Я вышла, не заметив, что Руслан так и остался сидеть на ящике. Он не пошевелился, когда хлопнула дверь. Он сидел в полумраке подсобки, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Мои слова про «несчастливого человека без души» горели в нем, как клеймо....

В эту ночь в «Valensky Group» на сорок пятом этаже не гас свет до самого утра. И тот, кто сидел там, в своем стеклянном замке, впервые в жизни не считал прибыль. Он пытался понять, когда именно он стал для мира «пустотой в золотой обертке» и как теперь смотреть в глаза женщине, которая пожалела его больше, чем кто-либо за всю его жизнь.

Глава13(Сергей)

(от лица Сергея)

Декабрь в Березовке всегда пах одинаково: мокрой псиной, печным дымом и безнадёгой. Раньше этот запах перебивался ароматом людминых пирогов, но теперь в доме воняло только застоявшимся перегаром и несвежими носками.

Я пнул ногой пустую банку из-под консервов, которая с грохотом пролетела через всю кухню и забилась под стол. Черт бы всё побрал. Полтора месяца. Сорок пять дней, как эта святоша укатила в город, оставив меня разгребать всё это дерьмо.

Котел в подвал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.